

Е К А Ш И

ОН НАЗВАЛ ЭТО
СВОБОДОЙ.

Я ПОВЕРИЛА

Е Каши

**Он назвал это
свободой. Я поверила.**

«Литнет»

2025

Каши Е.

Он назвал это свободой. Я поверила. / Е. Каши — «Литнет»,
2025

Предупреждение: это история о психологическом насилии и выживании. Слабонервным лучше пройти мимо. Свете было шесть, когда она перестала звать на помощь. Дома её либо бьют, либо делают вид, что её не существует. А потом появляется Он. Тот, кто пахнет тишиной. Тот, кто угощает шоколадом и вкладывает в дрожащую ладонь стеклянный пузырёк: «Несколько капель — и всё закончится». Света слушается. Дом погружается в вечный сон. Но Он не исчезает. Вместо выхода на свободу Он распахивает дверь, ведущую внутрь неё самой. И девочка больше не принадлежит себе. Свобода должна была пахнуть шоколадом. Теперь она пахнет клеткой. Проходят годы. Взрослая Света мечется в ловушке, которую выстроила собственными руками. Она ищет ответ: кем был тот, кто называл смерть — освобождением? Монстром извне? Галлюцинацией? Или той частью её души, которую страшно назвать по имени? Правда окажется страшнее, чем просто «монстр». Но чтобы выжить, Свете придётся снова открыть ту дверь. И в этот раз — не оглядываться

© Каши Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Я стояла, не в силах отвести взгляд от распахнутого окна на девятом этаже. На подоконнике, чуть подавшись вперёд, замерла молодая девушка с распущенными чёрными волосами — они тяжёлыми прядями свисали вниз, почти касаясь рамы. Тонкий бюстгальтер едва удерживал её пышную грудь, а пальцы судорожно сжимали край подоконника.

В этот миг кто-то подошёл сзади, резко сжал мои плечи сильными руками и шепнул на ухо — тихо, но властно:

— Кричи. Давай же. Посмотри вниз, быстрее. Не выдавай себя.

Я знала, кто это. Послушно опустила глаза.

У моих ног, в бордовой луже, лежал мой муж. Белые туфли промокли, пропитались тёплой липкой жидкостью и приобрели розоватый оттенок. Голова мужа была вывернута под неестественным углом — глаза, застывшие в немом ужасе, смотрели прямо на мои туфли, а рот так и остался приоткрыт, будто он хотел что-то сказать в последний момент.

Мышцы словно окаменели. Мозг отдавал приказы, но тело не слушалось — каждая попытка пошевелиться давалась с мучительным усилием. Наконец рука дрогнула, поднялась к лицу, а потом...

Я отчаянно закричала. Звук вырвался из груди — хриплый, надрывный, полный безысходности. Колени подкосились, и я бы рухнула на залитый кровью асфальт, если бы *Он* удержал меня, крепко прижав к себе. Его хватка была железной, почти болезненной, но в тот момент она оказалась единственной реальностью, за которую можно было уцепиться.

Кровь... Она была тёплой и липкой, её металлический запах заполнял лёгкие. Но где-то в глубине сознания всплыло странное ощущение дежавю. Я уже видела что-то подобное — только тогда не смогла заставить себя посмотреть. Тогда смерть пахла иначе: не железом, а приторной сладостью шоколада и затхлой горечью старого алкоголя. Воспоминание промелькнуло и исчезло, оставив после себя лишь ледяной озноб и вопрос: сколько ещё раз мне придётся столкнуться с этим кошмаром?

Он слегка встряхнул меня, возвращая в реальность:

— Всё кончено. Теперь ты принадлежишь мне.

Я закрыла глаза, пытаясь отстраниться от происходящего. Но крик всё ещё звучал внутри — беззвучный, бесконечный, отчаянный. И я знала: этот звук останется со мной навсегда.

Двенадцать лет назад.....

Всё началось ещё в детстве, когда мне было шесть лет. Родители постоянно пили, дома редко была хоть какая-то еда. Для них меня не существовало, так что для своих лет я была очень даже самостоятельной. Хорошо, что соседка меня подкармливала, да иногда приносила вещи, хоть и старенькие, но чистые и целые. Дома я старалась убирать пустые бутылки, мыть посуду и собирать разбросанные вещи. Пока другие дети ходили в детский садик и беззаботно играли, кушали вкусную еду и спали в теплых кроватках, я бесцельно гуляла в окрестностях дома. Если кто-то оставлял игрушки, я искренне радовалась. Только так у меня была возможность поиграть с ними и почувствовать себя самым обычным ребенком.

Иногда мне казалось, что я живу не дома, а в чем-то вроде мусорного мешка, который никто не собирается развязывать. В коридоре стоял запах кислой водки и плесени — наш постоянный одеколон. Я очень хотела, чтобы однажды всё это исчезло, но не знала, как попросить об этом мир. Этот вечер не стал исключением. Я сидела на карусели, которая медленно крутилась по кругу, прижимая колени к груди. Мне было очень страшно.

Дома отец схватил меня за волосы и начал кричать, требуя бутылку водки. Мама в этот момент лежала в пьяном угаре на диване в одной сорочке, её рука безвольно свисала, держа пустой стакан. *Я царапала его руки, но он только смеялся и дёргал меня за волосы сильнее.*

Однако, вывернувшись, я смогла укусить отца за руку и убежать босиком в одной пижаме на улицу. Я беззвучно плакала и молила:

“Помогите мне. Прошу, хоть кто-нибудь... Я буду слушаться, умываться и сидеть тихо. Только не бейте и дайте покушать”.

— Держи булочку, — раздался тихий детский голос, тогда я даже не задумалась почему он появился так тихо и внезапно.

Я подняла заплаканные глаза — силуэт передо мной был размытым. Там стоял мальчик с аккуратно зачёсанными на бок волосами, одетый как примерный школьник-ботаник. Я никогда не видела такого чистого и опрятного ребёнка. Как странно, он пахнет буквально *ничем*.

Посмотрев на булочку, я сглотнула слюну.

— Спасибо, но не надо.

— Почему? Ты же голодная.

— Да, но я не могу отобрать у тебя последнее.

Мальчик посмотрел сначала на меня, потом на булочку и разделил её на две части.

— Держи. Можно? — он кивнул на место около меня.

Я молча согласилась и с жадностью начала есть, но часть машинально убрала в карман. Булочка была такая мягкая и сладкая, я никогда раньше не пробовала такой вкусной выпечки. Пока я кушала, этот юный незнакомец протянул еще и шоколадку! Тогда я подумала, что может все таки замерзла и все это мне снится? Рай, наверное, пахнет именно так — сладким тестом и шоколадом, а не спиртом.

Меня немного удивило, что его руки были тёплые, сухие, будто он не сидел со мной на ветру. Я хотела спросить, почему он не мёрзнет, но булочка была слишком вкусной, чтобы думать о чем-то еще.

— Почему ты плачешь? Обидел кто? — от наслаждения вкусным тестом меня отвлек внезапный вопрос мальчика.

— Мои родители пьют, жду пока они уснут.

— Сейчас так темно и холодно, ты замерзнешь.

Он говорил тихо и очень серьёзно, совсем не по-детски. И глаза... В них не отражался свет фонарей, казалось они поглощают его. Тогда я не придавала этому значения, слишком истощена была.

— А ты почему так поздно гуляешь? Где твои родители?

— Мы идём от бабушки, я побежал вперёд, хотел прокатиться на карусели.

Мне стало очень обидно, что у меня нет таких прекрасных родителей и бабушки, которая умела бы печь вкусные булочки.

— Наверное, уже пойду домой, спасибо тебе за булочку, — я уже собиралась встать с карусели и бежать к подъезду, когда он произнёс:

— Меня зовут Всеволод, а тебя ?

— Света

— Придешь завтра? Я принесу для тебя еще вкусностей.

— Да, приду и буду ждать тебя, — с этими словами я побежала в сторону дома.

Всё же родители уснули, теперь и я могу немного поспать. Я засыпала с улыбкой и мыслью, что теперь у меня есть друг. Но было в нем что-то такое, неуловимое и это что-то вызывало непонятный трепет.

Вся неделя прошла относительно спокойно. Родители часто уходили на подработки, чтобы купить себе водки и закуски. Меня они вообще не замечали, и я была рада. Сева постоянно приносил мне булочки, конфеты, пирожки, я не ела такое никогда, мне казалось, я попала в сказку, пока это хрупкое детское счастье не рухнуло в один из вечеров.

В тот вечер я не успела сбежать: у двери *Отец схватил меня за волосы и поволок на кухню*

— Глянь, какая красotka выросла!

Он взял моё лицо в руку и стал поворачивать в разные стороны, показывая мужику на вид совсем старому.

— Да она совсем маленькая, что мне с ней делать? — он сморщил лицо и выпил полстакана водки.

Отец не унимался.

— Как что, пускай пока занимается делами по дому, а там, глядишь, и подрастёт и сможет по-другому угодить тебе.

— Да чего ты ребёнка-то пугаешь, сволочь! — мать схватила меня и дала подзатыльник отцу.

У них началась очередная ссора, а я, улучив момент, со всех ног бросилась из квартиры. Моё сердце колотилось с бешеной скоростью. Страх затуманил разум, я босиком добежала до карусели, где меня уже ждал Сева.

— Света, что случилось? Опять родители били?

— Мне так страшно, они хотели отдать меня своему знакомому дядьке.

Я не могла говорить, рыдание встало комом в горле. Холод пробирался по босым стопам, под штаны и кофточку.

— Подожди меня в нашем домике, я сейчас приду.

Я кивнула и пошла к домику, где обычно девочки играли в дочки-матери. Дверца домика скрипнула, внутри пахло сырым деревом и старым песком. Я забилась в угол, обняв колени.

Прошло минут двадцать, когда Сева вернулся, он принёс мне носки и свои резиновые сапоги и куртку, в полиэтиленовом пакете лежали пирожки.

— Одевайся и ешь давай. — Он протянул мне пакет и одежду.

Я быстро надела всё и стала есть.

— А если твои родители узнают, что пропала твоя одежда, они сильно будут тебя ругать?

Всеволод посмотрел на меня своими тёмными, слишком спокойными для ребёнка глазами и произнёс:

— Нет, они у меня хорошие.

Почему-то от этих слов по спине побежал холодок. В их дворе я никогда не видела ни его родителей, ни бабушку, про которую он говорил.

— Я вот тебе что ещё принёс, — он достал стеклянную небольшую бутылочку из внутреннего кармана курточки.

— Что это? Можно я попробую?

Он отдёргнул руку так резко, будто я потянулась не к стеклу, а к огню.

— Нет, тебе нельзя. Сегодня, когда ты придёшь домой, очень осторожно открой бутылочку и разлей в стаканы, из которых пьют твои родители. Будь очень осторожна, чтобы на тебя не попало.

— А что это такое? — я с любопытством рассматривала бутылочку в руках друга. Вода в ней была прозрачная, но как-то не по-настоящему: свет фонаря в ней не отражался, а будто проваливался внутрь. Исходил странный запах — не как у водки, не как у лекарств. Сладковатый, тяжёлый, от которого хотелось и вдохнуть глубже, и сразу отодвинуться, прямо как горький шоколад.

— Когда они выпьют это волшебное снадобье, у тебя начнётся новая, спокойная жизнь.

Он произнёс это таким тоном, будто заучивал фразу, сказанную когда-то давно кем-то другим.

— А что будет если мама и папа выпьют это? — спросила я шёпотом, сама не понимая, чего боюсь больше: нова жизнь или того, что всё останется как есть.

Сева улыбнулся. Улыбка вышла очень аккуратной, ровной, «как на картинке» — ни капли детской неровности.

— Они просто уснут, — ответил он. — А ты наконец-то сможешь дышать. Разве ты этого не хочешь?

Я прижала бутылочку к груди. Хотела сказать «нет», но язык сам сложил другое слово:

— Хочу.

-помни оно работает если только ты искренне этого желаешь...

Спустя двенадцать лет, стоя над телом мужа, я почувствую на плечах те же теплые, сухие руки. И пойму: Сева не ушел. Он просто ждал, когда мне снова понадобится свобода. На следующее утро родители действительно спали. Вечным сном. А Сева улыбался и говорил, что теперь мы всегда будем вместе. Мне было шесть, и я думала, что это счастье.

Если история кажется важной/цепляет — поддержите, пожалуйста, лайком, вы оцениваете только качество текста и силу эмоций. Ваши реакции помогают книге не потеряться среди других

Глава 2

Двенадцать лет назад....

Я вернулась домой глубокой ночью. Всеволод уже ушёл, а я, как и всегда, решила дожидаться, пока в квартире наступит покой. В подъезде стояла влажная, промозглая тишина, но, как только я открыла дверь, на меня навалилось зловоние — тяжёлый, липкий запах дешёвого спиртного, гнилой еды и застарелой грязи. Он будто пролез в лёгкие и поселился там, отравляя каждый вдох.

Меня трясло от холода, хотя на мне была куртка. Осторожно, чтобы не скрипнули половицы, я сняла сапоги и, ступая по липкому линолеуму, прошла в комнату, где спала мама. Она лежала, раскинувшись поперёк дивана, и, как всегда, в её руке был зажат стакан. Иногда мне казалось, что он уже прирос к её пальцам. Осторожно, почти не дыша, я достала его и поставила на пол. Осторожно открыла бутылочку с жидкостью, что мне дал Всеволод и замерла, сердце бешено стучало, рука чуть дрогнула, остановилась лишь на миг “я правильно поступаю, мама?” — налила в стакан половину, вторую отнесла в кухню и наполнила для папы, который спал, уткнувшись лицом в стол. “Это поможет вам, мы наконец то сможем стать семьёй”

Схватив подушку и одеяло, я пошла в ванную. Это давно стало моим укрытием. В тесном, пахнущем ржавчиной и хлоркой пространстве было хотя бы тихо, залезла в ванну и легла, укутавшись с головой, я чувствовала себя почти в безопасности — за тонкой дверью оставались крики, бутылки и шёпот злого хмельного бреда.

В эту ночь я уснула быстро. Всеволод сказал, что завтра моя жизнь изменится, и я верила ему так отчаянно, как верят только дети. Я старалась поскорее провалиться в сон, чтобы проснуться уже в новой жизни.

Мне снился невероятно красивый сон. Я лежала на мягкой лужайке из густой, ярко-зелёной травы. Вокруг качались под лёгким ветерком цветы всех возможных оттенков, над ними порхали бабочки. Небо было чистым, глубоким, голубым - голубым, и солнце ласково грело кожу. Ко мне бежал Всеволод, смеялся, махал рукой. Я улыбалась и тоже махала ему навстречу.

И вдруг этот мир разорвал звук. Рядом, будто у самого уха, раздался чудовищный, не человеческий крик. Солнце погасло, как лампочка — одним щелчком. Лужайка исчезла, цветы превратились в чёрные лоскуты, которые разметал внезапно налетевший ветер. Небо раскололось на полосы, и меня потянуло вверх, в чёрную, бешено вращающуюся воронку. Воздух вырывало из груди, я пыталась закричать, но голоса не было — только немой ужас. Меня закручивало всё сильнее, я чувствовала, как тело рвётся изнутри, как меня тянет куда-то, где нет ни света, ни тепла.

В тот момент, когда казалось, что меня разорвёт или унесёт навсегда, чья-то рука крепко схватила меня за запястье. Я дёрнулась — это был Всеволод. Он тряс меня изо всех сил и кричал что-то, но его голос будто доносился из-под воды. Мир дрожал, проваливался, ломался, и я, захлёбываясь страхом, распахнула глаза.

Надо мной стояла мама.

Она трясла меня за плечи, так сильно, что голова билась о край ванны. Из её рта по подбородку текла тёмная кровь. Глаза были расширены до безумия, в них не было ни капли осознанности — только тупой, звериный ужас. Из её горла вырывался хрип — рваный, сиплый, будто кто-то изнутри рвал ей голосовые связки. На секунду мне показалось, что это не мама, а какая-то вылезшая из кошмара тварь, которая научилась пользоваться её телом.

На кухне раздался дикий, пронзительный крик отца — он кричал и бранился так, будто в голосе была не только злость, но и паника. Тарелки и чашки звякали и разбивались о пол, летя осколками, которые сыпались как дождь; звук их удара разрывал тишину и делал её ещё

невыносимее. Мама обмякла: тело её осело, плечи свисли, глаза закатились в белки и больше не смотрели на мир.

Всё вокруг кружилось. Сердце стучало в ушах, дыхание обрывалось. Руки подкосились, не могла пошевелиться, не могла закричать. Я зажмурила глаза и плотно закрыла уши ладонями, будто это могло отгородить меня от безумия, что творилось рядом. Не знаю сколько я так просидела, но когда открыла глаза и убрала руки стояла тишина. Я собрала всю свою силу и выглянула из ванной, на полу лежала мама, скрюченная, как сломанная кукла. Я старалась не смотреть, не думать, что это значит, заставила себя сосредоточиться на коврике, на трещинах в штукатурке, на чём угодно, лишь бы не видеть. Поставила одну ногу на пол — холодный линолеум обжёг кожу, как лёд, — уже занесла вторую, когда вдруг...

Внезапно холодная липкая рука вцепилась в мою лодыжку. Пальцы сжались, будто когти, — я ощутила, как ногти болезненно впиваются в кожу. Я дёрнулась, но хватка не ослабла. Мама шевельнулась, её голова медленно повернулась, волосы разметались, открывая лицо: глаза, белые и без зрачков, уставились на меня пустотой, рот искривился в беззвучном крике, а из горла вырвался новый хрип — мокрый, булькающий. Ужас парализовал меня заново, ноги отказались слушаться, и мир сузился до этой руки — холодной хватки из могилы, тянущей обратно в кошмар.

Мне казалось, если я сейчас не вырвусь, не убегу — она меня утащит с собой в ад, в ту чёрную воронку из сна, где нет ни света, ни спасения. Собрав всю смелость, я выдернула ногу из цепких пальцев мамы, и рванула к входной двери. Меня всю трясло, колени подгибались, а сердце колотилось так, будто хотело вырваться из рёбер. Двери я не закрывала на ключ — инстинкт подсказывал: в случае чего секунда решит всё. Руки скользили по холодной ручке, пальцы онемели от страха, но я распахнула её одним рывком. Холодный воздух подъезда ударил в лицо — сырой, пропитанный запахом кошачьей мочи и вчерашнего супа. Я вылетела наружу, спотыкаясь и врезалась прямо в соседку, которая как раз выходила из своей квартиры с мусорным пакетом в руках.

Тётя Люба, вечно хмурая пенсионерка, бигуди в волосах — посмотрела на меня и расширила глаза до размера блюдц. Её рот приоткрылся в беззвучном "о", пакет выскользнул из рук, катаясь по ступенькам. Я увидела своё отражение в её зрачках: бледное, искажённое лицо, спутанные волосы, кровь на щеке от царапин — призрак из кошмара. "Что... что с тобой?" — прошептала она, но слова утонули в гуле в ушах.

Мир поплыл, тьма сомкнулась вокруг — ноги подкосились, сознание провалилось в бездонную яму. Последнее, что я уловила: визг соседки, топот по лестнице, и далёкий, пробивающийся сквозь стены, хрип из квартиры.

Глава 3

Я очнулась в больнице от резкого, непривычного ощущения тишины. Не той тяжёлой, тревожной тишины, к которой привыкла дома, между криками и грохотом бутылок, а другой — мягкой, приглушённой, наполненной шёпотом голосов где-то в коридоре и редким звоном посуды. В палате стояли три кровати, помимо меня, были ещё две девочки. Они тихо играли: у одной в руках была кукла в ярком платье, у другой — пластиковый зайчик и маленькая машинка. Они раскладывали игрушки на одеяле, что-то обсуждали вполголоса и иногда улыбались. Мне было странно и немного больно наблюдать за этим — у меня никогда не было таких игрушек, да и вообще никаких.

Через какое-то время дверь палаты приоткрылась, и к одной из девочек вошла женщина — её мама. Она была такая красивая и аккуратная: тёмные волосы собраны в пучок, чистое пальто, на шее шарф, от неё пахло чем-то тёплым и домашним — мылом и мандаринами. Мама села на край кровати, нежно провела ладонью по волосам своей дочери, поправила подушку и достала из пакета несколько мандаринок. Одну она начала медленно чистить: тонкая оранжевая кожура спиралью свивалась в её пальцах, в воздухе сразу потянуло сладким цитрусовым ароматом. Потом, улыбаясь, она поднесла дольки к губам дочери, что-то шутливо говоря, а девочка смеялась и кушала мандарин.

Глаза защипало. Я резко отвернулась к стене, уставившись в белую, слегка потрескавшуюся краску, чтобы не видеть эту картину. Моя мама никогда так обо мне не заботилась. Никогда не гладила по волосам, не сидела у кровати, не чистила фрукты, не приносила вкусности. В груди тяжело кольнуло: я снова ясно ощутила, что я — лишний ребёнок, никому не нужный. До меня нет дела ни дома, ни здесь.

Стараясь не думать о плохом, я сжала кулаки и торопливо стёрла слёзы костяшками пальцев, но они, словно назло, всё равно катились по щекам одна за другой — горячие, обидные. Я прикусила губу, чтобы не всхлипнуть вслух, и старалась дышать ровно. В этот момент кто-то осторожно провёл ладонью по моим волосам — мягко, аккуратно, как гладят маленьких детей, когда хотят успокоить.

Я удивлённо повернула голову.

Рядом со мной стояла та самая мама девочки, которую минуту назад кормила мандаринами. В её руке был маленький очищенный мандарин — ровный, круглый, оранжевый, разделённый на аккуратные дольки. Она протянула его мне, наклонившись чуть ближе, чтобы наши глаза оказались почти на одном уровне. Я почувствовала, как во рту мгновенно набралось слюны от одного только запаха — сладкого, свежего, почти сказочного для меня.

— Не бойся, бери, ешь, — мягко сказала она. — Я всем почистила. Вы такие маленькие, но уже такие самостоятельные. Вас тут трое, вам вместе не будет так страшно. Я буду часто приходить и приносить разные сладости.

Я не сразу осмелилась протянуть руку. Казалось, что если я возьму этот мандарин, он рассыплется или исчезнет, как сон. В этот момент девочка, та, чья мама стояла у моей кровати, вдруг сказала:

— Мама, у этой девочки нет родителей. К ней никто не придёт. Можно я с ней буду делиться?

Женщина посмотрела на меня внимательнее. В её глазах мелькнула боль. Влага блеснула в уголках глаз. Она ещё раз погладила меня по волосам — чуть дольше, чем в первый раз, будто пытаясь через прикосновение передать то тепло, которого мне не хватало.

— Как тебя зовут, дитя? — спросила она негромко.

Я растерялась. Никто никогда не называл меня «дитя» — разве что соседка, которая иногда подкармливала меня оставшейся едой и ворчала, что я слишком худая. Я немного помолчала, собираясь с духом, и сама удивилась, насколько чужим и тихим прозвучал мой голос:

— Меня зовут Света, — выдохнула я, чувствуя, как имя, которое я привыкла слышать только в окриках и ругани, вдруг прозвучало по-другому — мягко, почти бережно.

Женщина тихо сказала, будто боясь спугнуть что-то хрупкое внутри меня:

— Света... красивое имя. Не плачь, Света. Жизнь нам нелегко даётся, но знай: всё пройдёт, уйдут невзгоды, и обретёшь ты своё тихое счастье.

Эти простые слова, заставили моё маленькое сердце дрогнуть и вдруг забиться по-другому — не от страха, как обычно, а от осторожной надежды. Будто в груди зажёгся крошечный огонёк, который до этого кто-то упрямо гасил годами темноты и криков. Я вслушивалась в каждое слово, бережно складывая их где-то глубоко внутри, как самый драгоценный секрет: *«уже было плохо — значит, может стать хорошо»*.

Мы быстро подружились. Девочки, с которыми я делила палату, оказались удивительно весёлыми и добрыми. Они пододвигали ко мне свои сокровища — кукол, машинки, выцветшие книжки — и никогда не делали вид, что это «их, а не моё». Вместе мы придумывали истории, устраивали «чайные» с куклами, смеялись над глупыми рисунками. К ним регулярно приходили мамы и папы — с фруктами, соками, сладостями, мягкими игрушками. Иногда заглядывали бабушки — с вязанными носочками, пирожками и терпеливыми сказками. И самое удивительное: все они, незнакомые взрослые, не проходили мимо меня, не делали вид, что я — пустое место. То конфетку сунут в руку, то погладят по голове, то спросят: «Как ты, солнышко?» Это было так непривычно, что сначала я даже не верила, что всё это по-настоящему, а не просто чья-то ошибка.

Прошло четыре дня. В палату, чуть слышно шаркая по полу, вошла пожилая женщина. На ней была аккуратная вязаная шапочка, старенькое, но чистое пальто и поношенные, немного раздутые сапоги. Лицо морщинистое, усталое, но глаза — тёплые, внимательные. В руках она бережно прижимала к груди небольшой пакетик, как будто там лежало что-то очень ценное. Не знаю почему, но в ту же секунду я всем существом почувствовала: она пришла именно ко мне. Видимо, бабушка тоже сразу поняла, кто есть кто: не раздумывая, она пошла прямо к моей кровати, не оглядываясь по сторонам.

— Светочка, здравствуй, — её голос был хрупким, но в нём звучала такая любовь и вина, что у меня перехватило дыхание. — Я твоя бабушка. Прости, что не могла раньше к тебе прийти. Твоих родителей больше нет... мне сообщили слишком поздно. Я собираю документы и после больницы заберу тебя к себе.

Слова будто поплыли перед глазами, распались на кусочки: *«твоя бабушка»... «родителей больше нет»... «заберу к себе»*. Всё происходящее казалось сном — слишком светлым и невозможным, чтобы быть правдой. Я прислушивалась к себе, пытаясь найти внутри боль о родителях, слёзы, тоску, но не находила ничего, кроме странного, почти стыдного облегчения. Не было больше бутылок, криков, страха ночей. Вместо этого — ощущение, будто с меня сняли ржавые цепи, к которым я давно привыкла и уже не замечала, как они ранят кожу.

Вспомнились слова Всеволода — о том, что скоро моя жизнь изменится. Он был прав: в этот момент где-то там, далеко, старая жизнь окончательно обвалилась, как сгнившая стена, а за ней показался узкий, но настоящий проход в другое будущее. С бабушкой я никогда раньше не встречалась, не знала даже, что она существует. В тех редких разговорах, что слышала от родителей, слова «бабушка», «родня», «семья» никогда не звучали. И всё же сейчас, глядя на эту маленькую, усталую женщину с тёплыми глазами и крепко сжатым в руках пакетом, я чувствовала лишь одно: как же хорошо, что она есть. Что у меня вообще кто-то есть. Что я больше не пустое место в чьей-то пьяной жизни, а внучка — настоящая, живая, нужная.

Глава 4

Бабушка, как и обещала, вернулась за мной в больницу через несколько дней. Она привезла мои тёплые вещи — аккуратно сложенные в старый, подтрёпанный чемоданчик: вязаную шапочку, шарфик, варежки и даже пару новых носочков, которые, как она сказала, сама вязала по ночам, думая обо мне. В палате пахло лекарствами и свежими мандаринами от визитов мам девочек, и в этот момент всё казалось таким хрупким, таким настоящим — как будто я наконец-то обрела свой уголок в мире. Я обняла каждую подругу по очереди: Аню с её куклой, Машу с машинкой. Мы обещали друг другу ещё когда-нибудь увидеться, и слёзы снова навернулись на глаза, но теперь они были не от боли, а от благодарности за эти короткие дни тепла.

Мы шли не спеша по заснеженной улице, бабушка крепко держала меня за руку — её ладонь была мозолистой, тёплой. Ветер трепал её вязаную шапочку, а она приговаривала тихонько, с виноватой улыбкой:

— Какая же ты маленькая, худенькая, моя Светочка... Прости меня, родная, прости, что так поздно....

— Бабушка, а почему ты раньше к нам не приезжала? Мама не рассказывала, что у меня есть ты.

Она замедлила шаг, вздохнула тяжело, как будто воспоминания давили на грудь камнем. Её глаза, морщинистые и добрые, на миг затуманились грустью, и она погладила меня по руке, прежде чем ответить:

— Светочка, так получилось... Марина, твоя мама, не хотела, чтобы я вмешивалась в её жизнь. Она так была слаба душой, упрямая... Я пыталась помочь, но она отталкивала — кричала, ругалась, говорила, что сама справится. Шесть лет я не знала даже о том, что ты родилась. Узнала случайно, от соседей, когда уже всё... Когда погиб твой папа... твоя мама утешалась горе в вине. А потом появился этот непутёвый Гришка — пьянчуга, безродный, только хуже сделал всё.

Папа? У меня был настоящий папа?

— Погиб мой папа? — мой голос дрогнул, тихий и растерянный, как шелест снежинок, падающих на землю.

Бабушка кивнула. Её руки обняли меня — крепко, но нежно, передавая тепло сквозь пальто.

- Да, солнышко моё... Автокатастрофа. Хороший был человек, твой отец, инженер, мечтал о большой семье. Но Марина... после него сломалась совсем. Не вини её, родная, и себя не вини. Теперь мы вдвоём — и всё у нас будет хорошо.

Мы медленно дошли до остановки, и мне казалось, что начинается настоящее приключение — волшебное, как в тех сказках, что иногда слышала от соседки. Впервые в жизни я поеду на автобусе, увижу мир за пределами серой площадки и душевной квартиры. Бабушка крепко держала меня за руку — её пальцы были тёплыми, чуть дрожащими, и это прикосновение давало ощущение безопасности, которого я никогда не знала. Она то и дело поправляла мою шапку, одёргивала шарфик, приговаривала: «Не простудись, Светочка моя, держись ближе», — и каждое такое движение было таким непривычным, таким заботливым, что внутри разливалось тепло. Я решила: во всём буду слушаться бабушку, помогать ей по дому, быть тихой и хорошей — только бы она меня не бросила, не исчезла, как все остальные.

Автобус подъехал с шипением и рокотом, двери открылись с усталым вздохом, и мы забрались внутрь. Доехали быстро, хотя может мне так показалось, потому что я не сводила глаз с окон: люди спешили по тротуарам, закутанные в пальто, с сумками, витрины магазинов сияли огнями, полные ярких игрушек, фруктов, конфет — всего, чего я никогда не касалась;

дома мелькали мимо, такие высокие и незнакомые, а небо над ними было серым, но чистым. Я прижималась к стеклу носом, впитывая каждую деталь, и бабушка улыбалась, глядя меня по спине: «Скоро дома будем, родная».

Она жила в трёхэтажном стареньком доме на окраине, с облупившейся краской на стенах и скрипучей деревянной лестницей, пропахшей далёким ароматом пирогов. Квартира была на втором этаже; бабушка открыла дверь и нас встретил запах чистоты, лаванды и чего-то домашнего — такого уютного, что я на миг замерла на пороге, боясь поверить. Две комнаты: в одной бабушка устроила меня — простая кровать с пуховым одеялом и вышитой наволочкой, маленький столик с лампой, стул с мягкой подушкой, на окнах — старенькие, но чистые занавески в мелкий цветочек, пропускающие мягкий свет. Для вещей стоял деревянный комод с четырьмя ящиками; одежды у меня было мало — пара платьев от соседки, свитер и штаны, — так что места хватило с лихвой. Бабушка поставила пакетик на стол, развернула его: там лежали новые тапочки, пара трусиков и носки — «чтобы тебе тепло было, солнышко». Я стояла посреди комнаты, трогая кровать пальцами, и слёзы снова навернулись — не от горя, а от счастья: это был мой уголок, мой настоящий дом.

— Не плачь, внучка, — бабушка нежно вытерла мои слёзы уголком своего фартука, её глаза, полные морщинок от прожитых лет, светились тихой, непоколебимой уверенностью. — Всё у нас будет хорошо. На следующий год ты пойдёшь в школу, а пока я научу тебя читать и писать. Пенсия у меня небольшая, но голодать мы не будем — я уже договорилась, по утрам буду мыть полы в подъезде. Деньги, конечно, не большие, но нам хватит на хлеб и молоко

— Я не ем много и буду помогать тебе. Мне ничего не надо, правда...

Бабушка улыбнулась, её морщинистое лицо осветилось теплом, и она взяла меня за руку:

— Пойдём пить чай с булочками, а потом я немного отдохну. Вот, смотри, у меня для тебя ещё кукла есть.

Она достала из комода простую тряпичную куколку с вышитым лицом и платьем из старого ситца — для меня это было сокровище, ярче всех игрушек подруг из больницы. Меня переполняла радость — ребёнку не так много надо для счастья — тёплый чай, булочка с вареньем — и у меня всё это появилось. Я так мечтала, чтобы у меня была бабушка, как у Всеволода, которая печёт сладкие булочки, рассказывает сказки и гладит по голове, — и вот мечта сбылась, материализовавшись в этой маленькой квартире с запахом свежей выпечки и лаванды.

Мы жили тихо, размеренно. Рано утром бабушка мыла полы в подъезде — на коленях, с ведром и тряпкой, — а я помогала в силу своих маленьких возможностей: выносила воду, подметала углы, протирала перила. В квартире всегда царил порядок: полы блестели, стол накрыт чистой скатертью, на подоконнике стояли горшки с фиалками. Вечерами, у лампы с зелёным абажуром, мы изучали буквы и слоги — бабушка водила моим пальчиком по прописным загогулинам, терпеливо повторяя: «А — это арбуз, Б — барабан». Я научилась считать до ста, складывать простые примеры, и каждый успех отмечали чаем с печеньем. О Всеволоде я вспоминала редко, у меня было столько нового и интересного: первые буквы, первые счёты, первые булочки.

Я почти забыла родителей и свой страх — те ночи в ванне, холодные руки, крики казались теперь смутным кошмаром. Но иногда, глубокой ночью, я просыпалась в холодном поту, охваченная ужасом: казалось, я опять в той квартире, слышу ругань за стенкой, чувствую запах спиртного и гнили. Сердце колотилось, как пойманная птица, и я ждала, затаив дыхание, но вместо хрипа раздавался лишь тиканье часов и тихое посапывание бабушки за стенкой. Тогда я ползла к ней в постель, прижималась к её тёплой спине, и страх отступал — новая жизнь крепко держала меня в своих объятиях.

В одну из ночей мне приснился Сева, мы не виделись с ним после той страшной ночи. Он стоял на пороге бабушкиной квартиры и улыбался. «Хороший у тебя дом, Света. Уютный.

Жаль, что ненадолго». Я проснулась в слезах, мне было не по себе. Но бабушке я так и не сказала о том сне. Как оказалось, зря. Может наша история сложилась бы совсем по-другому.

Глава 5

Первое сентября - ясное, солнечное утро. Я стояла перед стареньким зеркалом в бабушкиной комнате, чувствуя, как её ловкие пальцы нежно расчёсывают мои волосы и деловито заплетают две аккуратные косички с яркими бантиками. В отражении я видела своё лицо — румяное от волнения, с горящими глазами, — и не могла отвести взгляд: это была я, настоящая, в новеньком школьном платье с белым воротничком, фартуке и блестящих туфельках. Наконец-то! Я пойду в школу, познакомлюсь с ребятами, услышу звонок, сяду за парту.

Бабушка проснулась ни свет ни заря: кухня уже наполнилась божественным ароматом — она испекла огромный пирог с вишней и творогом, румяный, пышный, от которого текли слюнки. На столе стоял букет садовых цветов — ромашки, астры, немного бархатцев, перевязанных лентой, — простой, но такой красивый. Она завязала мне белые банты покрепче, поправила платье и, обнимая, прошептала:

— Сегодня твой первый день в школе, Светочка. Ты познакомишься с учителем и одноклассниками, а потом мы сходим в парк и поедем мороженого.

Я подпрыгнула, хлопая в ладоши, — мороженое!

— Правда? А можно мне клубничное?

Бабушка рассмеялась, её морщинки собрались в добрые складочки:

— Конечно можно, родная. — Она решила устроить мне настоящий праздник, полный маленьких чудес. — Хочешь, мы ещё купим леденцов? Целую горсть — петушков!

Я обняла от радости бабушку, уткнувшись носом в мягкий запах лаванды и муки, будто боялась, что этот сон вот-вот растает. Её руки — тёплые, надёжные — обвили меня в ответ, и в этот миг мир был совершенным: пирог, букет, косички, обещание мороженого — всё моё, настоящее. Но я ещё не знала, что этот день — начало обратного отсчёта. Мой уютный, тихий уголок, сотканный из бабушкиных объятий, свежей выпечки и азбуки у лампы, начнёт разрушаться — не сразу, не внезапно, а постепенно, коварно, основательно, как трещины в старой стене. Школа приведёт к друзьям, друзья — к первым мечтам, а они — к той самой девятиэтажке, где мой будущий муж закончит свою жизнь в луже крови у моих ног, возвращая кошмар в облике новой реальности.

Но сейчас я — счастливая маленькая девочка, держащая бабушку за руку и шагающая в школу под ярким сентябрьским солнцем. Воздух звенел от детских голосов, смеха, к школе тянулось множество детей и родителей, все собирались у широкого входа, где уже все было украшено шариками и праздничными флагами для торжественной линейки. Атмосфера бурлила весельем и предвкушением: малыши цеплялись за мамины юбки, старшеклассники собирались шумными кучками, перешучиваясь и подмигивая девчонкам, — они казались мне такими взрослыми и беззаботными. Играла музыка, торжественная мелодия гимна, — и вскоре линейка началась: директор произносил речь. Позже всех первоклашек повели по классам — узкими коридорами, пахнущими свежей краской и мелом, с портретами писателей на стенах и досками, исписанными приветствиями. В нашем классе было светло и просторно: парты в три ряда, огромные окна с видом на школьный сад, учительница — молодая женщина с доброй улыбкой и в цветастом платье — знакомила нас поимённо, рассказывала правила и раздавала тетради. Я села одна за партой у окна, чувствуя лёгкую грусть — все вокруг обнимались с друзьями, шептались, а я, хоть и волновалась от радости, вдруг ощутила себя немного чужой. Сердце сжалось: никто не сядет рядом, я опять одна?

Но вдруг в дверь постучали — робко, но уверенно. Учительница кивнула: «Войдите!», — и со словами извинений, краснея и шаркая ногами, вошёл Всеволод. Я не могла поверить своим глазам — рот приоткрылся, сердце подпрыгнуло к горлу: мой друг, тот самый мальчик с булочкой на карусели, тот, кто обещал новую жизнь, будет учиться со мной в одном классе!

Он огляделся, нашёл меня взглядом — его глаза вспыхнули узнаванием, — и уверенно прошёл к моей парте, плюхнулся на соседний стул, прошептал:

- Привет, Света! Я опоздал, но нашёл тебя!- Этот день стал самым счастливым в моей маленькой жизни — словно весь мир сошёлся, чтобы сказать: теперь всё будет хорошо.

Искал меня? Эта фраза совсем не вызвала у меня вопросов, возможно контроль моего тюремщика только начинал цепями наматываться на меня. Или же я настолько хотела иметь друзей, что подсознательно проигнорировала угрозу.

— Дети, сегодня ваш первый день в школе, — учительница обвела нас добрым взглядом, её голос был мягким, — Мы все познакомились, после перемены я расскажу вам о правилах поведения в школе. Мы ходим в библиотеку и в столовую, потом вы пойдёте домой, а завтра начнётся настоящий первый учебный день.

Прозвенел наш первый звонок — звонкий, торжественный, разнёсшийся по коридорам. Ребята повскакивали со своих мест, собирались шумными кучками, знакомились, хихикали, рассматривали класс: кто - то трогал парты, кто -то выглядывал в окно на школьный сад, полный золотой листвы. Мы же с Всеволодом просто смотрели друг на друга, не отрываясь. Он улыбался совсем чуть - чуть, волосы аккуратно зачёсаны набок, бабочка на рубашке идеально завязана, а глаза — серьёзные, взрослые, как у человека, пережившего больше, чем положено ребёнку.

— Хорошо, что мы будем учиться в одном классе. У меня опять будет друг, — прошептала я, не в силах сдержать улыбку.

— Света, я не дам тебя в обиду. Буду защищать и помогать всегда.

— А у меня теперь тоже есть бабушка. Ты мне помог тогда, на карусели, и теперь я счастлива. Спасибо, Всеволод. Можно я буду звать тебя просто Сева?

Он улыбнулся шире, глаза заискрились:

— Да. Наши имена начинаются на "С"... Мы как одно целое, две половинки одного сердца.

Время летело незаметно, годы сливались в яркие вспышки воспоминаний: отличные оценки в дневнике, бабушкины пироги по выходным, тихие вечера за азбукой, которая давно сменилась учебниками. Я училась хорошо, старательно, с жадностью впитывая каждое слово учительницы, и дома, как могла, помогала бабушке: мыла посуду, протирала полы, ходила за продуктами в магазин. С Севой мы были не разлей вода, каждое утро встречались и шагали в школу, после уроков он провожал меня домой, нёс мой тяжёлый портфель, набитый тетрадями и книжками.

Переломный момент наступил в девятом классе, в середине осени. К нам пришли два новых одноклассника. Мальчика звали Денис: высокий, под два метра, с пронзительными синими глазами, непослушными тёмно-русыми волосами, вечно падающими на лоб, и улыбкой, от которой таяли девчонки — белозубой, обаятельной. Девочку звали Ирина: длинные выющиеся волосы цвета спелой пшеницы каскадом падали до пояса, пухлые, сочные губы всегда чуть приоткрыты в загадочной улыбке, зелёные глаза, усыпанные золотыми искорками, обрамлены пышными ресницами, делаая её похожей на принцессу из журналов. Они казались из другого мира — красивыми, уверенными, с дорогими рюкзаками и манерами, от которых все замирали. С одноклассниками ребята быстро нашли общий язык: Денис влился в мальчишескую компанию, затеяв футбол на переменах, Ирина щебетала с девчонками о музыке и моде. Я не обращала на эту парочку внимания — мне всегда хватало общения с Севой. Но по каким-то причинам — учительница решила «разбавить компанию», как она сказала, — нас рассадил. Со мной посадили Дениса, а Ирина села с Севой. Денис повернулся ко мне с той самой улыбкой:

— Привет, Света. Мы с тобой ещё толком не познакомились. Может, после школы поедим мороженого?

Его синие глаза были такими глубокими, манящими — я тонула в них, как в океане, бесконечном и прохладном, сердце забилося чаще, щёки вспыхнули румянцем.

— Я... я, наверное, не смогу... — каждое слово давалось с трудом, язык путался.

— Почему? — Денис улыбнулся шире, и я растаяла, как мороженое на солнце, чувствуя, как коленки слабеют.

— Мне... мм... надо в библиотеку, и потом домой, бабушке помочь.

Он хлопнул себя по лбу:

— И мне нужно в библиотеку! Совсем забыл, спасибо, что напомнила. Пошли вместе?

— Ну... — я робко улыбнулась, украдкой глянув на Севу. А он смотрел на меня — его глаза, всегда такие серьёзные, почернели, кулаки сжались под партой так, что костяшки побелели. Мне было непонятно, почему он злится — скорее всего, из-за Ирины, которая щебетала без умолку, её голос звенел, как колокольчик, а Сева этого не любит.

Я уже собиралась ответить Денису, что с радостью пойду в библиотеку, как вдруг в голову сдавило пронзающей болью. Боковым зрением зацепилась на Севу, он что-то прошептал Ирине. Та вдруг замолчала и уставилась на меня немигающим взглядом. А потом едва заметно кивнула — словно она кукла в руках умелого кукловода.

Глава 6

Закончился последний урок — звонок прозвенел протяжно, эхом разнёсшимся по длинным коридорам школы, где топот уходящих учеников постепенно затихал, смешиваясь с гулом голосов, хлопанием шкафчиков и скрипом кроссовок по линолеуму.

Класс пустел: кто-то спешил в раздевалку, кто-то болтал у доски, а я не торопилась собирать вещи — аккуратно складывала тетради, пенал с любимыми карандашами, тяжёлый учебник математики с закладкой на последней главе, — медленно запихивая всё в портфель, пока мысли витали вокруг Дениса. Какой же он красивый: синие глаза, словно океан в ясный день, притягивали взгляд магнитом, заставляя тонуть в их глубине, забывая обо всём, а улыбка — обаятельная, с лёгким намёком на озорство — освещала всё вокруг. Такой мальчик, из тех, кого все замечают, обратил внимание именно на меня — это казалось иллюзией, сладким сном наяву.

Из задумчивости меня резко вывел Сева, он сел за парту рядом с громким, гулким стуком портфеля о деревянную поверхность — звук был таким неожиданным и резким в относительной тишине класса, что я вздрогнула всем телом, портфель выскользнул из рук, шлёпнувшись на пол, а сердце ёкнуло в груди, пропустив удар от внезапного испуга.

— Света, ты долго ещё? Мы же хотели сегодня в парк сходить, мороженого поесть, — его голос прозвучал чуть резче обычного, с ноткой раздражения, глаза — серьёзные, взрослые — смотрели выжидающе, как будто он чувствовал неладное.

Я замялась на месте, чувствуя лёгкий укол вины, мы правда планировали парк.

— Я не пойду. Хочу в библиотеку зайти. Давай завтра сходим.

Первый раз я солгала Всеволоду — и он это понял мгновенно, его взгляд потемнел, он молча взял свой портфель в руки и встал, возвышаясь надо мной тенью:

— Пошли.

— Куда? — я не сразу сообразила, о чём он, поэтому подняла свой портфель с пола, нерешительно переступив с ноги на ногу, напряжение между нами повисло, как паутина.

— В библиотеку. Потом я провожу тебя домой. Сейчас конец осени, темнеет рано — одной небезопасно идти.

Его забота была привычной, тёплой, но сегодня в ней сквозила настойчивость, от которой стало неловко.

— Я недолго буду в библиотеке, и ещё не успеет стемнеть, как окажусь дома. А ты иди домой не жди меня.

— Света, — Всеволод не сдвинулся с места, Упрямо застыв, его голос стал тише, но твёрже. — Я не думаю, что это хорошая идея. Ему неинтересна ты как личность.

— Кому? О чём ты вообще говоришь? Вот вечно эти твои загадки, — я нахмурилась, но в глубине шевельнулось беспокойство.

Ответить он не успел — к нам подошёл Денис, его шаги уверенные, лёгкие, а присутствие сразу заполнило пространство теплом и притяжением:

— Света, ты готова? Пошли, потом я тебя провожу.

Когда Денис так улыбается — открыто, ослепительно — я не могу устоять: мир сужается до его лица, и я улыбнулась в ответ, чувствуя, как щёки розовеют.

— Сева, до завтра. Мы пошли.

От счастья я не замечала ничего вокруг, сердце стучало так быстро, ладошки вспотели от волнения, Денис рассказывал интересную историю о каком-то моменте на выходных, но я не слышала слов — только видела его идеальный профиль и думала: это правда происходит со мной?

— Мамонтова!

Окрик был таким резким, неожиданным, что я вздрогнула, резко повернулась, навстречу нам шёл преподаватель химии, его шаги эхом отдавались от стен. Он был молод — наверное, около двадцати девяти лет, атлетичный, высокий, с широкими плечами под строгой рубашкой, короткими тёмными волосами, зачёсанными назад, и всегда в круглых стильных очках, за которыми прятался острый, пронизывающий взгляд.

Константин Михайлович относился ко мне с какой-то нескрываемой злостью, на каждом уроке вызывал к доске, сыпал вопросами, проверял каждую строчку домашнего задания под лупой, выискивая малейшие ошибки. Я училась хорошо, по химии держала твёрдую четвёрку — формулы, реакции, периодическая таблица сидели в голове крепко, как гвозди, но чтобы её удержать, приходилось оставаться после уроков на дополнительные занятия, где он заставлял меня переписывать таблицы, зубрить свойства элементов часами, пока класс пустел, а сумерки за окном сгущались в вязкую тьму.

— Да, Константин Михайлович, что случилось? — я замерла, чувствуя, как сердце уходит в пятки от его приближения, взгляд за очками буравил насквозь.

— Мамонтова, почему я должен за тобой бегать? Сегодня дополнительное занятие, а ты не пришла, — его голос прогремел, эхом отразившись от стен коридора, где последние ученики шарахнулись в стороны.

— Но Константин Михайлович, занятие завтра, — я напряглась, лихорадочно вспоминая график: понедельник, среда, пятница — неужто перепутала? Память не подводила.

— Я тебе говорил, что перенёс на сегодня. Пошли...

Учитель схватил меня за руку — хватка была железной, пальцы впились в запястье, как тиски, от боли и унижения щёки вспыхнули. Он потащил меня прочь от Дениса, не обращая внимания на мой протест, мне было так стыдно, Денис стоял ошеломлённый, его синие глаза расширились, а я корчилась в этой хватке, как пойманный зверёк. Что он подумает? Что я какая-то, которую учителя таскают за руку, как нашкодившую собаку?

— Отпустите мою руку, пожалуйста! Я и сама могу идти. И вы не переносили занятия — у меня отличная память, — голос сорвался на визг, я вырывалась, чувствуя, как кожа краснеет под пальцами.

Константин Михайлович остановился как вкопанный, резко отпустил руку, пригладил свои короткие тёмные волосы дрожащей ладонью. На миг мне показалось, что тени в коридоре шевельнулись, потянулись к нему.

— Да, прости, Света... Действительно, я забыл — это не у тебя перенёс. Но всё равно химию ты должна знать на пятёрку, иначе за год поставлю тебе двойку.

— Но почему? У меня твёрдая четвёрка! Скажите, что я делаю не так? — я потёрла запястье, где остались красные следы, голос дрожал от обиды и непонимания.

— Во-первых, посажу тебя одну, чтобы другие не отвлекали. Во-вторых, добавлю больше дополнительных занятий. И ещё — в школу приходи на час раньше, чтобы я проверял твоё домашнее задание.

— Но Константин Михайлович, почему?? — я отступила на шаг, чувствуя, как страх смешивается с гневом. На мои плечи легли руки, я вздрогнула и чуть повернула голову, за мной стоял Всеволод.

— Учитель пошутил, Света, тебе не надо приходиться рано утром и оставаться после занятий, так ведь, Константин Михайлович?

Повисла тишина, учитель смотрел на Всеволода, а он абсолютно спокойно на учителя. Напряжение росло, тишина звенела, и вот-вот разразится гроза.

- Я не шучу, но, наверное, дополнительные занятия оставим раз в неделю. И я не потерплю такого поведения от учеников, Мамонтова, это только начало.

Константин Михайлович резко развернулся, его шаги прогрехотали по линолеуму коридора, эхом уносясь в сторону учительской. Я опустила голову, плечи поникли от унижения,

слёзы покатались по щекам, бесконечные придирки, каждый урок был пыткой, а надежда на спокойствие ускользала, как песок сквозь пальцы.

Всеволод мягко, но уверенно повернул меня к себе и прижал к груди — его объятия были крепкими, тёплыми, сердце его билось ровно.

— Не плачь, глупенькая. Тебя он не обидит — я рядом. Ну перестань шмыгать, пойдём домой, провожу, — его голос был тихим, ласковым, но с твёрдой ноткой стали, обещающей защиту любой ценой.

Я всхлипнула, уткнувшись носом в его рубашку, чувствуя знакомый запах мыла и одеколона:

— Как хорошо начинался этот день, и как плохо закончился... Сколько можно ко мне придирааться? Становится только хуже, что бы я ни делала.

— Я рядом. Если скажешь — разберусь с ним. И больше он не будет тебе докучать.

— Не надо. Может, он переключится на более способную ученицу или ученика, и тогда я смогу без страха ходить на уроки химии, — прошептала я, вытирая слёзы рукавом, голос дрожал, но в нём мелькнула слабая надежда.

Мы уже собрались идти к раздевалке, шаги эхом отдавались в пустом коридоре, когда я заметила Дениса — он стоял в стороне, опираясь на стену, и молча наблюдал за всем происходящим; в его синих глазах не было ни страха, ни презрения — только спокойное, почти равнодушное любопытство, как у постороннего зрителя. Он подошёл ближе, уверенно взял меня за руку — его пальцы были тёплыми, сильными, и от этого прикосновения сердце снова ёкнуло, прогоняя слёзы.

— У тебя всё хорошо? — он хотел сделать шаг вперед, но в последний момент почему-то остановился.

— Да... да, всё хорошо. Спасибо, что остался, — я выдавила улыбку, чувствуя, как щёки снова теплеют под его взглядом.

— Я провожу тебя. В следующий раз сходим в библиотеку, — Денис улыбнулся той самой обаятельной улыбкой, от которой внутри всё таяло.

Всеволод шагнул вперёд, слегка отодвинув Дениса плечом — движение было ненавязчивым, но твёрдым, как барьер:

— Я сам провожу. Не задерживай нас, — его голос был ровным, но в нём звенела сталь, глаза сузились, не обещая ничего хорошего.

Мне так хотелось сейчас, чтобы именно Денис проводил меня до дома — его рука в моей, его истории по дороге, его тепло против осеннего холода, — но придётся отложить все свои хотелки на следующий раз. Сева стоял рядом, как страж, и спорить было бесполезно. Мы пошли к раздевалке втроём — напряжённая тишина повисла между нами, полная невысказанных слов и скрытых теней.

У самых дверей раздевалки Денис вдруг остановился и, глядя прямо в глаза Севе, сказал:

— Света сама решит, с кем ей идти. Или ты пастух, а она твоя овечка?

Сева замер, его лицо было спокойным, но я заметила, как побелели костяшки пальцев, сжимающих лямку портфеля.

— Пастух и овечка, — повторил он медленно, пробуя слово на вкус.

— Забавно. Ты даже не представляешь, насколько прав, — он ухмыльнулся, цокнул языком и кивнул в сторону выхода. Словно говоря Денису, что ему пора.

Глава 7

— Доброе утро, Константин Михайлович, — произнесла я тихо, осторожно переступив порог пустого кабинета химии. Я всё же решила не давать учителю повода отчитывать меня — пришла за час до начала уроков, сердце колотилось от смеси страха. Он сидел за своим массивным столом, сгорбившись над стопкой бумаг, что-то писал торопливой, неровной рукой.

Когда я зашла, учитель медленно поднял голову, и я застыла в недоумении, ноги приросли к полу, дыхание перехватило. Его глаза... Зрачки были неестественно расширены, белки налились кровью — красные, мутные, с лопнувшими сосудами, словно он не спал неделю, под глазами залегли глубокие синеватые тени, кожа лица осунулась, приобретя серый, мертвенный оттенок, а губы потрескались. Он смотрел как будто сквозь меня.

— Мамонтова? Зачем ты пришла? Ещё и так рано — у вашего класса химия третьим уроком, — его голос был хриплым, надломленным, как у человека, вырванного из кошмара, взгляд блуждал, не фокусируясь.

— Но... но вы же сами вчера сказали приходить раньше для проверки домашнего задания? — я сжала лямки портфеля, голос дрогнул, отступила на полшага назад.

Учитель посмотрел на меня ещё раз, прищурившись — зрачки сузились на миг, как у хищника, глаза забегали из стороны в сторону, словно он лихорадочно рылся в памяти, лицо исказилось гримасой боли или замешательства, пальцы сжали ручку до белизны костяшек.

— Мне вчера было плохо... Очень болела голова. Иди и не мешай мне, Мамонтова, — отрезал он грубо, отводя взгляд, махнув рукой, как от назойливой мухи, и снова уткнулся в бумаги, но рука дрожала, буквы на листе плясали неровно.

Я стояла ещё секунду — что с ним? — потом развернулась и вышла, тихо прикрыв дверь, сердце стучало в висках, а в коридоре, пустом и холодном, показалось, что тени шевельнулись, наблюдая.

Поведение учителя казалось мне странным, почти пугающим — вчера он был настроен агрессивно, хватал за руку, сыпал угрозами, а сегодня делает вид, что ничего не помнит, отмахивается, как от назойливой мухи, и внешне он не похож на себя вчерашнего: те красные глаза с расширенными зрачками, тени под ними, дрожащая рука — словно его подменили за ночь. Размышляя об этом, я села на деревянную скамейку, и что он там так быстро писал за своим столом — какие-то неровные строки, судорожно?

На самом деле в восьмом классе, когда Константин Михайлович только пришёл в нашу школу, он ничем не отличался от обычного учителя, всегда вежливый, внимательный, объяснял материал так просто и доступно, что даже троечники понимали валентность и реакции окисления, класс его любил, девчонки шептались о его стильных очках и атлетической фигуре. Но в конце того года его как подменили — лицо осунулось, взгляд стал цепким, злым, одной девочке, тихой отличнице по имени Катя, даже пришлось перевестись в другую школу, он постоянно ставил ей двойки за «неполные ответы», вызывал к доске с садистским блеском в глазах, доводил до слёз публичными унижениями, пока она не сломалась и не ушла. Вот тогда-то он и переключился на меня — стал выискивать ошибки, где их не было, заставлять переписывать домашку часами, а Всеволод всегда заступался, заставлял учителя отступать, и это очень помогало, но в этом году становилось всё хуже — придирки участились, взгляд его следил за мной, как хищник за добычей.

Из задумчивости меня вывел Денис — он подошёл тихо, сел рядом на скамейку так близко, что я почувствовала тепло его плеча, и легонько толкнул меня локтем, отчего сердце снова ёкнуло.

— Света, о чём задумалась? Я тебя зову, а ты и не слышишь, — его голос был мягким, с лёгкой насмешкой, синие глаза искрились любопытством, заставляя забыть о химии и учителе.

— Денис, привет! — я улыбнулась, чувствуя, как щёки покрываются румянцем от его близости.

— Я просто не выспалась. Постоянно чувствую усталость, так хочется спать. Но как только уроки начнутся — как рукой снимет.

Он наклонился ближе, его синие глаза искрились озорством:

— Давай со мной по утрам делать пробежку — зарядишься энергией!

Я замялась, обхватив себя руками:

— Но там так холодно, и вставать рано... Я, наверное, не смогу. И так мне много времени уходит, чтобы заставить себя встать с кровати и пойти в душ.

— Ты сначала попробуй, я помогу, — Денис смотрел так пристально, гипнотизирующее, от его взгляда по коже бегали мурашки — приятные, волнующие. Неужели это первая любовь? Сердце трепетало. Но что он чувствует ко мне? Многие девочки засматривались на него — не только девятиклассницы, но и старшеклассницы, шептались в коридорах. А он сидит со мной, зовёт на пробежку. Если откажу сейчас — потеряю шанс?

— Хорошо. Если ты меня поддержишь — согласна. Когда начнём?

Его лицо осветилось улыбкой:

— Вот завтра и начнём. Я найду за тобой — будь готова к шести.

— Что... К шести утра? Это выше моих сил! — я ахнула, и мы вместе засмеялись — его смех был красивым, завораживающим, глубоким, как музыка, эхом отдаваясь в груди, прогоняя все тревоги.

К нам подошёл Всеволод — волосы взъерошены, как после бури, взгляд недобрый, тяжёлый, полный тени, от которой мне стало не по себе; сегодня первый раз за все девять лет я пошла в школу без него — не хотела, чтобы он страдал из-за моих проблем с учителем.

— Света, мы можем с тобой поговорить? — его голос был тихим, но напряжённым, глаза буравили Дениса.

Денис встал и помахал рукой:

— Увидимся в классе, — я смущённо улыбнулась ему, чувствуя, как его взгляд задерживается на мне чуть дольше, пока он уходил, а сердце всё ещё трепетало от разговора о пробежке.

Всеволод повернулся ко мне, его лицо было напряжённым, брови сдвинуты:

— Ты почему мне не сказала, что пойдёшь так рано в школу? Я не смогу тебе помочь, если не буду рядом.

— Сева, ну не сердись. Чем ты мог мне помочь? Я сделала домашку по химии, но учитель повёл себя странно — сказал, что не ждал меня сегодня, — я пожала плечами, пытаюсь разрядить атмосферу.

— Так и сказал?

— Да, и выглядел он не так, как всегда — на себя вовсе не похож, — я вспомнила те красные глаза и тени под ними, по спине пробежали мурашки.

— Света, перестань. Всё с ним нормально, не бери в голову. И больше так не делай — мы должны всегда ходить вместе, везде, — Всеволод взял мой рюкзак из рук.

Я открыла рот в возмущении, чувствуя прилив раздражения:

— Почему мы должны всегда ходить вместе? У меня есть свои планы, у тебя свои.

Ответить Сева не успел — к нам подошла Ирина, её локоны качнулись, она уверенно взяла его под руку, а другой рукой забрала мой портфель и передала обратно мне, словно подчёркивая: «Это моё место».

— Привет, ребята! Как хорошо, что я вас встретила. Сева, помоги мне, пожалуйста... — её голос был сладким, но глаза метали искры.

Всеволод аккуратно, но твёрдо убрал её руку, взял мою ладонь в свою — крепко, не отпуская, — и потянул вперёд:

— Пошли, нам пора — урок скоро начнётся.

Ирина надула пухлые губы, её зелёные глаза сверкнули гневом, она топнула ножкой и направилась в класс, попутно толкнув меня плечом — сильно, с ревнивой злобой, отчего я покачнулась.

Звонок прозвенел сразу же, как мы вошли в класс. Денис сидел за партой, раскрыл тетрадь, аккуратно записывал задание, его профиль был идеальным. Я не могла сосредоточиться — то и дело поглядывала на него украдкой, сердце замирало при мысли о завтрашней пробежке: мы вдвоём, рано утром, только мы одни. Мечтательно отвернулась к окну, закрыла глаза, представляя холодный воздух, его дыхание рядом, и улыбнулась.

А когда открыла глаза, посмотрела в окно на небо — наша школа была буквой «П», и сидя на последнем этаже, видно было соседний корпус. На крыше стоял человек — силуэт чёрный на фоне серых туч, на самом краю, балансируя, и смотрел, как мне показалось, прямо на меня, зрачки впились в душу. Я чуть привстала, подалась вперёд, шурясь, чтобы разглядеть: кто это? Тёмные волосы, очки? Но он поднял ногу — медленно, неестественно — и шагнул вниз... в пустоту, исчезая в бездне за парапетом.

Глава 8

Я открыла глаза, моргая и не сразу поняла, что нахожусь в кабинете медсестры — знакомый запах йода, антисептика, ударил в ноздри. Память подкинула ужасное видение: чёрный силуэт на краю крыши соседнего корпуса, медленный шаг в пустоту, тело, кувыркающееся вниз, исчезающее за парапетом — я не могла поверить, что видела последние секунды чьей-то жизни, это так страшно и нереально. Видеть такое в кино — просто спецэффекты, вспышки на экране, не сравнятся с тем, что пронзило меня в реальности: тошнота подкатила к горлу, руки задрожали, сердце заколотилось в панике, мир качнулся.

Я села на кушетке, оглядывая пустой кабинет, ни медсестры, ни одноклассников, только тишина, нарушаемая тиканьем настенных часов, — хотела уже встать и выйти, ноги подгибались, как ватные, но дверь скрипнула, и вошёл Всеволод. Я подскочила к нему, цепляясь за рукав:

— Сева, я... я видела...

— Подожди, сядь. Как ты себя чувствуешь? — он мягко усадил меня обратно, его руки были тёплыми, надёжными, глаза — полные тревоги.

— Всё хорошо. Как там... человек, который... — слова застревали, ужас воспоминания сдавил горло.

— Не стоит так беспокоиться. Это был несчастный случай. Сейчас там разбирается полиция, — Сева говорил ровно, но взгляд его скользнул в сторону, избегая моих глаз.

— Кто это был? Учитель? Зачем он так сделал? — паника накрыла волной, я представила те красные глаза, тени под ними — совпадение?

— Света, давай я провожу тебя домой. Ты отдохнёшь — директор сказал, занятия до конца недели отменены. Вставай, пошли... — он помог мне встать, подхватывая портфель.

В кабинет вошёл Денис — растрёпанный, волосы взъерошены, лицо бледное, озабоченное, глаза полны настоящей тревоги, он шагнул ко мне, протягивая руку:

— Света, с тобой всё хорошо? Я так за тебя испугался.

— Всё хорошо, спасибо. И знаешь, завтра, наверное, не смогу пойти с тобой на пробежку. Извини... — вина кольнула, мечты о двоих на рассвете рассыпались пеплом.

— Ничего, я понимаю. Приду к тебе днём — ты не против? — Денис улыбнулся мягко, пытаясь разрядить обстановку.

Всеволод шагнул вперёд, его голос стал ледяным, глаза вспыхнули тёмным огнём ревности и угрозы:

— Я против. Оставь Свету в покое. Тебе нравится забавляться с её чувствами?

Денис выпрямился, его синие глаза сузились:

— Это не так. И не тебе решать за нас.

— Сева, перестань! Да, конечно, заходи днём... — я вмешалась, голос дрожал, пытаюсь разрядить накалявшуюся обстановку в тесном кабинете медсестры, где воздух густел от напряжения, мне не хотелось, чтобы ребята ругались из-за меня. В последнее время Сева вёл себя странно, собственнически, его забота граничила с цепями, а взгляд следил, не отпуская ни на миг.

— Я пошла домой — у меня что-то голова болит. И не надо меня провожать, — пробормотала я, вставая, чувствуя пульсирующую боль в висках и тошноту от видения на крыше, мне так хотелось поскорее оказаться дома, рядом с бабушкой, прижаться к ней, уткнуться в мягкий запах лаванды и муки, чтобы она погладила по голове, прошептала успокаивающие слова, после чего я всегда быстро засыпала под её тихий голос, но даже тогда усталость не уходила, висела тяжёлым плащом, бабушка винила в этом мои бесконечные уроки и домашнее задание.

Не дожидаясь реакции ребят, я поспешила к раздевалке, сердце колотилось, ноги несли прочь от этого хаоса. У выхода из школы толпились ребята, все стояли кучками, шептались, обсуждали случившееся: "с крыши... кровь... полиция...", на лицах смешался страх и любопытство. Я быстро оделась, пальто, шарф, варежки дрожали в руках, выскочила на улицу.

Не оглядываясь, я шла быстрым шагом по опавшим листьям, хрустящим под ботинками, но мне казалось, что за мной кто-то идёт — шаги эхом отдавались позади, дыхание холодило затылок; постоянно оборачивалась, сердце колотилось, готовое выпрыгнуть из груди, но никого, только пустая улица, тени деревьев плясали зловеще. В очередной раз резко обернувшись, я чуть не вскрикнула, зажав рот ладонью за мной шла Ирина, её золотистые локоны трепал ветер, на лице застыла улыбка — не добрая, а зловещая, искажённая, как маска демона, зелёные глаза горели.

— Света, как хорошо, что я догнала тебя! Куда же так быстро бежишь? — её голос был сладким ядом, она настигла в два шага, и без предупреждения ударила меня по лицу, ладонь хлестнула резко, с силой, от которой голова мотнулась, щека вспыхнула огнём боли, я не устояла на ногах, рухнула на холодный асфальт, глаза расширились от шока и ужаса, мир закружился в пятнах боли и страха.

— Оставь Севу в покое, он может быть только со мной, я не дам тебе покоя, ты поняла меня?

— Мы с Севой просто друзья... и он сам будет решать, с кем встречаться, — выдавила я сквозь боль, щека горела, как от ожога, слёзы жгли глаза, но я не дала им пролиться.

— Я тебя предупредила... и не думай, что ты нравишься Денису... — Ирина фыркнула, её смех эхом разнёсся по пустой улице, зловещий, как карканье вороны, она развернулась и ушла, виляя бёдрами, оставляя меня в холоде, что пробирал до костей.

Мне стало не по себе, слова её повисли угрозой, холод окутывал, я вскочила, отряхивая грязь с пальто, и поторопилась домой. Бабушка стояла у подъезда маленькая, в цветастом платке, увидев меня, помахала морщинистой рукой, её глаза светились теплом:

— Бабушка, ты почему на улице?

— Я ходила в магазин и решила постоять, тебя встретить. А что с твоей щекой? — она нахмурилась, протягивая руку к моему лицу.

— Всё хорошо, пошли быстрее, а то замёрзнем, — я отвела взгляд, потянув её за руку внутрь, не желая рассказывать о стычке.

Ночью сон не шёл — ворочалась в постели, спокойная жизнь рушилась, как карточный домик: с одной стороны, новые не изведанные чувства к Денису кружили голову, трепет в груди при мысли о нём, с другой погиб учитель, прыгнув с крыши, и Ирина пообещала кошмар в школе, её слова эхом отзывались угрозой. Волна ужаса из прошлой жизни накрывала снова те же тени, те же страхи, мне так и не удалось спокойно поспать, только под утро немного задремала, в лихорадочном полусне.

— Просыпайся, девочка моя, — бабушка гладила меня по голове, её ладонь была тёплой, родной я открыла глаза, и мне показалось, что лицо у неё совсем без морщин, глаза большие, яркие, как у молодой женщины, полные странного блеска, я резко села на кровати, видение исчезло, сменившись привычными чертами.

— Внучка, что с тобой? Испугалась?

— Сон страшный приснился. Вчера наш учитель спрыгнул с крыши.

— Боже, боже... что творится в нашем мире... как же так, — бабушка осенила себя крестом, лицо побелело.

— Бабушка, тебе нельзя волноваться. Может, чай попьём?

— Я приготовила булочки с сахаром. Иди умывайся и к столу.

Как же я люблю вот так сидеть на кухне с бабушкой — пить чай, есть свежие булочки, хрустящие корочкой, слушать её тихий голос, — но почему глаза сегодня слипаются, бессонная ночь не прошла даром, веки тяжелели. Звонок раздался неожиданно, я неровно поставила кружку, пролив немного чая на скатерть:

— Наверное, соседка. Ты как сонная муха — иди поспи, а то носом клюёшь, — бабушка улыбнулась.

Я поплелась в комнату, но остановилась, услышав знакомый голос у двери:

— Здравствуйте, меня зовут Денис, я одноклассник Светы. Пришёл узнать, как она себя чувствует.

— Ой, как хорошо, что ты пришёл, но Света плохо спала ночью и пошла отдыхать, — бабушка ответила вежливо, но тон был непривычно сухим.

— Бабушка, я не сплю! Можно, Денис зайдёт? Мы хотели позаниматься, — крикнула я, выбегая в коридор, сердце подпрыгнуло от радости.

— Но ты же так устала, внучка... — впервые видела бабушку такой недружелюбной, она всегда вежливая, угощает всех чаем, обнимает соседей, но сейчас хмурилась, не желая впускать.

— Всё хорошо, проходи, Денис.

— Пойду тогда ещё чай поставлю. Проходите, проходите, — бабушка вздохнула.

Денис улыбнулся — его улыбка всегда вызывала во мне многообразие чувств: тепло в груди, бабочек в животе, лёгкий озноб восторга. Мы прошли на кухню, где бабушка уже разливала чай по чашкам, аромат мяты и сахара наполнил воздух.

— Ну, я вас оставляю. Пойду посмотрю телевизор. Только долго не задерживайтесь — надо ещё в магазин сходить, — она вышла, бросив на Дениса быстрый взгляд, прикрыв дверь.

— Прости, не знаю что нашло на бабушку, она у меня как божий одуванчик.

— Просто переживает за тебя, я понимаю, давай я схожу с тобой в магазин, ты прогуляешься и тебе станет легче.

— Подожди, я быстро оденусь и пойдём.

Мне и правда стало лучше, свежий воздух наполнил мои лёгкие, голова прояснилась и глаза больше не закрывались от усталости. Мы шли не спеша, Денис опять что-то рассказывал, а я улыбалась как дурочка. А как еще может быть? Рядом идет тот, кто заставляет сердце биться во сто крат чаще.

— Света, я только переехал в ваш город и уже встретил тебя. Понимаю, ещё очень рано говорить о таком, но ты мне очень нравишься.

Я открыла рот, чтобы сказать, что он мне тоже. Очень.

«Не смей», — прошелестело в голове. Детский, спокойный, слишком знакомый голос. «Ты же знаешь: все, кого ты любишь, засыпают.»

Денис протянул руку, чтобы убрать прядь волос с моего лица. Он ждал моего «да». А я смотрела на его ладонь и видела только одно: маленький стеклянный пузырёк, который мог бы в ней оказаться.

Глава 9

Приближался Новый год, мы с Денисом не спеша шли, держась за руки, по заснеженным тротуарам. Зимнее утро сияло солнцем, под ногами скрипел свежий снег, редкие прохожие спешили по делам, а нам никуда не торопиться: сегодня выходной. Денис предложил гулять подольше, чтобы улучшить моё самочувствие, и, правда, стало легче: щёки порозовели, сонливость отступила.

Но, возвращаясь домой, меня опять тянуло в сон, силы предательски таяли, ноги наливались свинцом, веки тяжелели. Бабушка всё больше уговаривала прекратить общение с Денисом, уверяя, что из-за него у меня совсем нет сил. Но я-то знаю: это не так; он придаёт силы, будит во мне тепло, искру жизни, а не забирает — напротив, рядом с ним я оживаю.

— Света, может, тебе стоит сходить к врачу и пройти обследование? С каждым днём ты всё хуже себя чувствуешь, да и бледная стала совсем, — сказал Денис, сжимая мою руку крепче, его голубые глаза смотрели с тревогой.

— Да, наверное, надо сходить. Скоро экзамены, и если буду так себя чувствовать, не сдам их, — кивнула я, чувствуя укол страха — бледность в зеркале пугала, круги под глазами темнели.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Даже не знаю. Бабушка, наверное, будет ходить со мной, а тебя немного не жалуется.

— Как же мне её задобрить? — он усмехнулся, и мы засмеялись, понимая: бабушка просто оберегает меня, боится, что Денис, как все мальчишки, плохо повлияет; но смех вышел нервным, эхо воспоминаний о «снадобье» Всеволода кольнуло в груди.

— Мне, наверное, пора, завтра встретимся в школе, — воспоминания всплыли так неожиданно, что испортили всё настроение и гулять больше не хотелось, — выходные закончились и пора заняться уроками.

— Да, жаль, что так быстро закончились выходные, давай я тебя провожу; если будут вопросы по домашнему заданию — звони, я помогу.

Возле подъезда мы остановились и взяли за руки, Денис пристально смотрел мне в глаза и совсем не улыбался.

— Пообещай пойти к врачу.

— Обещаю, — я сказала совсем тихо и опустила глаза, рассматривая нашу обувь. Денис приблизился ко мне и замер, я не могла поднять глаза, мои щёки горели, он прижался своими губами к моей щеке.

— Береги себя, мне пора.

Пока он уходил, я не решалась шевелиться: такой красивый и добрый, заботится обо мне. Моё сердце всегда билось слишком сильно рядом с ним. Зайдя в подъезд, я услышала знакомые голоса, разговор был напряжённым:

— Слушай меня, ты высасываешь из неё жизнь, я тебя к ней приставил для чего?

— Отпусти меня, мне тоже надо чем-то питаться, как мне, по-твоему, выживать?

— Она моя, и ты не можешь её трогать, у неё не хватает сил, и я не могу вплетаться в неё, ещё и этот светлый появился.

Послышался глухой звук и стон, я зажала себе рот, но вскрикнуть от неожиданности всё же успела. Настала тишина, я сделала шаг назад, потянула дверь и резко хлопнула, показывая, что только что вошла. Мне было очень страшно, но моё присутствие, скорее всего, уже обнаружили. Осторожно поднялась на второй этаж, там оказалось пусто. Может, они на третьем этаже? Но мне не хотелось проверять, я быстро нажала звонок, дверь мне открыл Всеволод.

— Привет, Света, ты где ходишь? Я жду тебя давно. Твоя бабушка уже закормила меня пирогами.

— Сева, ты когда пришёл и зачем? — в последнее время мне совершенно не хотелось общаться с другом детства, мне казалось, что он слишком навязчивый, ни на минуту не хочет оставлять меня одну, и мне становится трудно дышать рядом с ним.

— Ты забыла? Сегодня мы хотели сходить в кино.

— В кино? Я не помню. Мне надо заниматься, и в последнее время я себя плохо чувствую, — пробормотала я, скидывая пальто, но силы таяли, голова кружилась.

Всеволод помог раздеться, ловко, как всегда. Я села на пуфик снять сапоги — он опередил, стянул их сам, его пальцы задержались на щиколотке чуть дольше нужного. Из комнаты вышла бабушка — бледная как полотно, глаза казались огромными на осунувшемся лице, аккуратная причёска растрепалась, седые пряди свисали беспорядочно. Первый раз я видела её такой — сломленной, уязвимой. Страх сдавил горло, я соскочила:

— Бабушка, что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?

— Внучка, не подходи ко мне. Я что-то совсем заболела. Всеволод вызвал скорую — сейчас приедут, сделают укол, всё будет хорошо, — её голос дрожал, руки прижаты к груди.

Я рванулась к ней — если с бабушкой что-то случится, как жить дальше? — но Всеволод опередил, подхватил её под локоть, проводил к дивану, усадил осторожно. Я бросилась на кухню, налила воды в стакан, пальцы тряслись, разливая капли, но подать не успела: звонок в дверь пронзил тишину. Сева забрал стакан из рук, а я пошла открывать.

На пороге стояла женщина с чемоданчиком, под курткой белый халат, стетоскоп на шее, лицо строгое, деловитое.

— Скорую вы вызвали?

— Да, да, проходите, пожалуйста.

Женщина в белом халате шагнула внутрь, её взгляд скользнул по мне — оценивающий, холодный, как скальпель; чемоданчик в руке клацнул, открываясь с тихим щелчком.

— Где пациентка? Расскажите симптомы, — произнесла она деловито, скидывая куртку на вешалку.

— Тут, на диване. Ей вдруг стало плохо: побледнела, голова кружится, тошнит, — Всеволод ответил за всех, его голос был ровным. Бабушка лежала, прижав ладонь к груди, дыхание её было прерывистым, глаза полузакрыты.

Я стояла в дверях кухни. Медсестра уже склонилась над бабушкой, доставая тонометр и шприц с прозрачной жидкостью, похожей на ту, из детства... Сердце сжалось от воспоминания, мороз пробрал по коже. Она измерила давление. «Низкое, критически», — пробормотала, закатывая рукав бабушки. Игла блеснула, входя в вену, и почти сразу тело расслабилось, веки сомкнулись, дыхание выровнялось.

— Это временная мера. Ей нужен покой, никаких волнений. И... никаких посторонних, — медсестра посмотрела прямо на Всеволода, потом на меня, её губы сжались в тонкую линию. — Завтра в поликлинику, полное обследование. Может, анемия или сердце.

Всеволод кивнул, помогая укрыть бабушку пледом. Его движения были точными, уверенными, но в пальцах, сжимавших край ткани, проступили костяшки — белые от напряжения. Медсестра ушла так же быстро, как пришла, оставив после себя запах антисептика и стопку рецептов на столе.

— Света, всё будет хорошо, бабушка будет спать до утра, а ты спокойно делай уроки. Я останусь сегодня ночевать у вас.

— Нет, не надо, мы сами справимся, — мне хотелось, чтобы Сева ушёл, а я осталась с бабушкой; ещё мне хотелось позвонить Денису, всё ему рассказать.

— Хорошо, я уйду, но если что-то случится — звони мне, я очень быстро приду.

Всеволод подошёл ко мне очень близко и, подняв руку, убрал прядь волос, которая выбилась у меня из хвоста. Я отпрянула: впервые со дня нашего знакомства мне не хотелось, чтобы друг прикасался ко мне. Сева понял меня и просто оделся и ушёл.

Домашнее задание я сделала с трудом, в голове постоянно проносился разговор, подслушанный мной в подъезде, а потом бабушка и скорая. Мне хотелось поговорить с Денисом, хотелось просто всё рассказать: я знала, что он меня поддержит и утешит словом.

— Алло, — слышалось хриплое в трубке. Я затаила дыхание. Голос звучал странно.
— Кто это? Говорите.

— Здравствуйте! Могу я услышать Дениса?

— Кто его спрашивает? Он занят и не может подойти к телефону.

— Меня зовут Света, и я его одноклассница.

— Позвоните завтра. Сколько вас таких, одноклассниц... Одна вот уже час сидит с Денисом, задачку решает.

— Сидит? Решает задачку...

Послышались гудки. Я опустила руку, держа трубку телефона, слёзы застлали мне глаза. Кто же это мог быть? Неужели Денис ещё с кем-то, кроме меня, решает домашнее задание? Как же моё сердце сжалось! Я продолжала слышать короткие гудки. Повесив трубку телефона, поплелась в свою комнату, укуталась с головой одеялом и забылась тревожным сном.

Я открыла глаза — темнота давила. Хотела сесть, но не могла пошевелиться ни рукой, ни ногой: тело налито свинцом, парализованное невидимыми путами. В комнату вошла бабушка — её шаги бесшумны, тень выросла у кровати. Она села рядом, склонилась очень близко. Дыхание холодное, как из склепа. Её глаза в темноте горели синим пламенем — нечеловеческим, голодным, зрачки расширились. Открыв рот, она высунула длинный язык, извивающийся, как змея, ползущий к моим губам; раздвоенный кончик дрожал, слюна капала, источая запах гнили.

Это нереально, это сон, повторяла я про себя, но страх сжимал сердце в кулак. Казалось, оно остановится, вырвется из груди. Язык почти коснулся — липкий, живой, и вдруг резкий звонок пронзил тишину. Я рывком села, сердце заколотилось. Открыв глаза, поняла: это будильник на тумбочке трезвонил. Комната залита серым утренним светом, бабушка спит в своей постели за стенкой, а простыни сбились от пота и ночных кошмаров.

С трудом встала с кровати и поплелась в ванную. Задержалась у двери — мне было очень страшно открывать её. Казалось, что там лежит мама. Я отступила. На кухню тоже не могла пойти. Я прислонилась к входной двери. Надо было успокоиться и взять себя в руки, но совсем не получалось. Послышался тихий стук в дверь. Я отскочила. Стук повторился. Руки дрожали. Я повернула замок и приоткрыла дверь...

Глава 10

— Ты что, ещё не готова? — Сева зашёл в квартиру, румяный от мороза, щёки горели алым, от него веяло зимней прохладой и запахом свежего снега, смешанным с его одеколоном.

— Ты зачем так рано пришёл? Я только недавно проснулась. Будешь пить чай? — пробормотала я, потирая глаза, всё ещё в пижаме, волосы растрёпаны после кошмара.

— Я сделаю всё сам. Иди собирайся — сегодня мои родители помогут с бабушкой, отвезут в больницу. Надо собрать вещи, примерно на неделю, — он уже прошёл на кухню, звякнул чашками, его движения были точными, как всегда.

— Сева, правда? Но это обременительно. Я после школы сама её провожу — на автобусе могли бы доехать, — возразила я, но в голосе не было уверенности; бабушка лежала неподвижно, бледная как воск.

— Бабушку ждут с утра. Мои родители не против помочь. Хватит время терять — давай быстрее, — отрезал он, и в этом весь Сева: сколько помню, он всегда решал мои проблемы быстро, без лишних вопросов, как в детстве с той бутылочкой... Мы так и не поговорили о ней, страх сковывал язык — не хотела думать о плохом, может, и он сам не знал, что там было, просто детская вера в «волшебство».

Я быстро умылась, собралась, вещи бабушки тоже упаковали: ночнушку, лекарства, тёплые тапочки. Странно, что она так и не проснулась: дыхание ровное, но слишком тихое, лицо застыло в странном покое. Сева отправлял меня в школу, подхватил сумку, но я не могла просто уйти. Сердце сжалось, подошла к постели, коснулась холодной руки:

— Бабушка, я скоро вернусь. — Она не шевельнулась, и морозный холодок пробрал до костей.

Бабушка открыла резко глаза, от испуга я отскочила, она потянула ко мне руку.

— Светочка... — хриплый, едва слышный голос заставил моё сердце биться быстрее то ли от страха за здоровье бабушки, то ли от испуга ночного кошмара, в котором бабушка выглядела ужасно.

— Бабушка, родители Севы помогут тебе добраться до больницы, я собрала все вещи, если хочешь, я поеду с тобой.

— Внучка, не волнуйся, всё со мной хорошо, иди в школу, у тебя экзамены, готовься, — она улыбнулась мне своей доброй улыбкой и помахала, давая понять, что я могу идти.

— Всё, тебе пора, после уроков я тебя встречу и провожу в больницу, — Сева подтолкнул меня к выходу. — Иди уже, ну что ты как маленькая, Света.

В школе как всегда стоял гул, все раздевались и бежали по классам. Скоро должен начаться урок. У меня появилась энергия и желание учиться, я так хорошо себя не чувствовала уже несколько лет. Я уже дошла до класса и хотела открыть двери, как мне на плечо легла чья-то рука. Я вздрогнула и повернула голову посмотреть, кто это мог быть: за мной стоял Денис. Повела плечом, чтобы смахнуть его руку — мне стало неприятно его прикосновение.

— Привет, Света, — Денис очень удивился моему жесту. — Вчера я ждал твоего звонка, но ты так и не позвонила...

— Я не хотела тебе мешать... — воспоминание кольнуло неприятно.

— Почему ты так решила? Ты мне никак не помешала бы.

— Скоро звонок, — я прошла в класс, Денис, хмурый, прошёл следом.

— Давай поговорим после урока.

— У меня нет времени, чтобы разговаривать с тобой, — почему-то обида не давала мне мыслить рационально; ничего плохого не было в том, что Денис помогал кому-то с уроками, но мне хотелось быть единственной.

— Что случилось, можешь объяснить? — Денис кинул учебник и тетрадь на парту. В этот момент зашла учительница.

— Всем доброе утро! Смотрю, Лисин рвётся к доске, выходи, посмотрим, как ты готовился к домашнему заданию...

Уроки закончились очень быстро, я не могла думать ни о чём, кроме бабушки. Если с ней что-то произойдёт... мне было страшно даже подумать об этом. Мне пятнадцать, и родных у меня нет — отправят в детдом?

— Света, я смотрю, ты не торопишься? — у раздевалки меня ждал Всеволод. Сегодня в школу он так и не пришёл.

— Ты давно меня ждёшь? Как бабушка? Мы поедem к ней?

— Света, подожди! — к нам спешил Денис, за ним шла Ирина. Было видно, что она очень злая.

— Всеволод... ты почему меня игнорируешь? — она почти подбежала к Севе. — Я сделала, что ты сказал!

— Ты зачем кричишь? — Сева схватил Ирину за локоть и отвёл к выходу. Денис взял мою куртку и помог надеть.

— Света, может, всё же расскажешь, чем я тебя так расстроил?

Я старалась не смотреть ему в глаза, и эта улыбка — такая тёплая, спокойная.

— Прости, мне надо срочно идти, у меня бабушка в больнице.

— Пошли, я с тобой. Надо поторопиться, а то опоздаем на автобус.

И так мне стало спокойно и легко от этих слов... Мы как первоклашки бросились на выход к остановке, совсем забыв про ребят. Мы успели добежать до остановки в последний момент, все пассажиры уже зашли. Мы запрыгнули смеясь, и нам повезло: были свободные места.

— Давно я так быстро не бегала, спасибо тебе, Денис.

— Я смотрю, тебе уже лучше, сегодня в тебе столько энергии, и это хорошо.

— Так и есть, я чувствую, что наконец-то выпалась, оковы сбросила с себя.

— Света, если хочешь, я останусь с тобой ночевать: мы сделаем уроки, посмотрим фильм.

— Заманчиво, но что ты скажешь родителям? Да и не страшно мне, но я обязательно подумаю над этим.

У больницы нас ждал Сева, и для меня это было удивительно: не могла понять, как он оказался раньше нас здесь.

— Сева, ты как здесь оказался? Я думала, ты с Ириной остался.

— А ты почему уехала? Нас ждали родители. Думаешь, это нормально, что ты просто убежала с Денисом?

— Ой, прости, Сева, я не знала, что твои родители ждали, прости. А они уже уехали? Могу я извиниться?

— Уехали. Пошли. А тебе что надо, Денис? Иди домой.

— Это не твоё дело. Я приехал со Светой и уеду тоже.

— Я сам провожу Свету, без тебя справимся.

Ребята стали друг напротив друга — почти одного роста, похожие телосложением, но такие разные, как свет и тень, как солнце и луна.

— Не надо ссориться! Уходите оба, и я говорю это серьёзно: если я выйду и кто-то меня будет ждать, мы останемся просто одноклассниками.

Сказав это, я развернулась и пошла к бабушке. Она лежала с закрытыми глазами, выглядела она уже лучше: румянец на щеках, и кожа была не такой серой и сморщенной. Я осторожно села на стул рядом с кроватью, хотела протянуть руку и погладить по волосам, но в этот момент бабушка открыла глаза.

— Внучка, а ты почему не в школе? И сядь подальше, я вроде как приболела — вирус нехороший.

— Уроки уже закончились. Как ты себя чувствуешь? Что врач говорит?

— Да не беспокойся, может, дней десять полежу, и всё будет хорошо. Ты ела что-нибудь? Как же ты без меня столько дней будешь?

— Я большая уже, готовить ты меня научила, так что не пропаду. Скажи, что ты хочешь, я завтра тебе принесу.

— Мне ничего не надо, просто занимайся уроками, у тебя скоро экзамены. Иди давай, скоро темнеть начнёт.

— Ты уверена? Мне несложно приехать к тебе. — Я смотрела на бабушку и не узнавала её: она как-то изменилась, стала более отстранённой, не брала меня за руки, не гладила по волосам. Мне казалось, что она очень сильно заболела и не хочет мне об этом рассказывать, но как же я ошибалась тогда...

Глава 11

— Ты готова к последнему экзамену?

Денис убрал прядь волос за моё ухо, от лёгкого прикосновения побежали мурашки по коже, тепло разлилось в груди. Мы с ним теперь ходили за ручки, и однажды он меня поцеловал, очень нежно, как крылья бабочки коснулись губ, оставив вкус мяты и счастья. С тех пор как бабушка заболела, Денис всё время старался быть рядом, вместе делали домашнюю работу, готовились к экзаменам допоздна, его присутствие помогало мне, и я меньше переживала, да и в квартире было не так страшно, если он рядом.

Всеволод каждый день встречал меня у подъезда, утром перед школой, но если появлялся Денис, Сева разворачивался и молча уходил вперёд. Мы с ним были неразлучны с той карусели в детстве, но теперь почти перестали общаться, он повторял: «Денис тебе не пара». Сердцу не прикажешь... Я была счастлива, хотелось улыбаться и обнимать всех вокруг, лёгкость переполняла меня.

Одно омрачало — бабушка стала часто болеть, дома бывала редко: то больница, то бесплатная путёвка в санаторий.

— Конечно, — ответила я, — ведь меня подготавливал самый лучший репетитор.

Мы засмеялись. В классе уже все привыкли, что я теперь провожу время с Денисом, а не с Севой, и перестали задавать вопросы. Ирина же ходила за Всеволодом как приклеенная. Мне было непонятно, почему такая красивая, умная девушка терпит его постоянные отказы. Один раз я даже увидела, как Сева её душит — пальцы впиваются в шею, лицо Ирины краснеет, — но не поверила своим глазам. Подумала, показалось. А сегодня убедилась в обратном.....

— Забыл тебе сказать, — Денис подмигнул, — после урока тебя просили зайти в библиотеку, что-то подписать. Хочешь, схожу с тобой?

— Нет, я быстро. Лучше займи столик в столовой, а то опять есть стоя будем.

— Договорились. Но давай выйдем во двор на свежий воздух?

— Можно и так.

Прозвенел звонок, и урок начался. Ирина с Всеволодом опять спорили и умолкли, лишь когда вошёл учитель. Урок почти подходил к концу, когда Ирина вдруг соскочила с места и выбежала из класса, спотыкаясь, будто её тянула невидимая нить.

— Что происходит? Ирина, ты куда? — Лариса Ивановна сняла очки, рот открывался беззвучно, глаза растерянно моргали.

— Лариса Ивановна, Ирине стало плохо, — Всеволод встал. — Могу выйти посмотреть, как она?

— Иди, Всеволод. Буду благодарна. Может, проводишь её к школьному врачу?

Класс загудел, точно потревоженный улей, всем не терпелось узнать, что стряслось с Ириной.

— Прошу вас, успокойтесь! — воскликнула Лариса Ивановна, но её слова потонули в звоне звонка, оповещающая об окончании урока.

— Я в библиотеку, а ты мигом в столовую! — бросила я Денису.

— Успеем, Света, успеем. Иди спокойно, знаю я тебя, рванёшь бегом... Слышишь меня? Я подхватила рюкзак, накинула на плечо.

— Да поняла, не бежать!

Библиотека находилась в противоположном крыле, почти все убежали в столовую. Я шагала, не отрывая глаз от ног, шнурок кроссовка вот-вот должен был развязаться, и вот мне было интересно, дойду ли до цели или он всё-таки сдастся, я следила за ним, словно за коварным врагом. Но свершилось — шнурок развязался. Я остановилась у колонны, присела, ловко завязала узел. И когда выпрямилась, до меня донёсся хрип — сдавленный, тихий.

Осторожно, на цыпочках, я шагнула вперёд. За углом предстала картина, от которой кровь застыла в жилах: Всеволод склонился над Ириной, его губы почти касались её губ, а пальцы стальными тисками сжимали горло. Девушка хрипела, глаза плотно зажмурены, лицо мертвенно-бледное, точно у восковой куклы, руки безвольно болтались вдоль тела, подрагивая в судорогах. Я окаменела, ступор сковал мышцы, истинный шок пронзил меня до мозга костей.

Время растянулось в вечность. Я пыталась закричать, но горло сжалось не хуже тех пальцев на шее Ирины. Всеволод не замечал меня или делал вид. Его губы шевельнулись у её рта, и хрип перешёл в стон, тихий, почти блаженный. Руки девушки, только что безвольные, дрогнули, пальцы вцепились в его рубашку, не отталкивая, а притягивая ближе. Что это? Поцелуй?

Сердце моё билось так яростно, что эхом отдавалось в ушах, я отступила, споткнувшись о собственный рюкзак, и сумка глухо стукнула об пол. Шум разорвал оцепенение. Всеволод медленно поднял голову, губы его блестели влагой, глаза почернели или мне показалось? Его взгляд упёрся в меня, и на миг мне почудилось, он улыбается.

Ирина обмякла окончательно, тело сползло по стене, но дышала слабо. Всеволод выпрямился, отряхнул руки, будто стряхивая что-то.

— Света, — произнёс он тихо. — Ты что, следишь за мной?

- Что ты делаешь с Ириной? Ты душил её?

Всеволод засмеялся: — Фантазия у тебя бурная, мы просто целовались, так, Ирина?

Девушка обняла Севу и прижалась к его губам, мне не хотелось больше оставаться рядом с ними, и, развернувшись, подхватив рюкзак, я пошла быстрым шагом в библиотеку. Я точно видела, что Всеволод душил Ирину, как и в прошлый раз, я старалась успокоить себя, повторяя, что им так нравится и это только их личное дело. Всеволод был для меня лучшим близким другом, и я не могла поверить, что он может причинить кому-то боль.

- Света... Подожди... — Всеволод приближался ко мне очень быстро, и я чётко видела чужого мне человека, и в тот момент мне на миг показалось, что его окутывает чёрная дымка, которая тянулась ко мне...

- Нет, нет, не подходи ко мне... Остановись, — я выставила руку перед собой и зажмурила глаза.

- Ты что, боишься меня? Ты забыла, что я единственный, кто был рядом с тобой всегда? С первой нашей встречи, там, на детской площадке, я поклялся, что буду рядом, оберегать и защищать тебя...

Распахнув глаза и опустив руку, я почувствовала стыд за своё поведение, Сева мой друг, он спас меня, как я только могла так о нём подумать.

- Прости, я испугалась... Я знаю, ты не причинишь боль, прошу, не держи обиды.

- Эх, Света, тебе бы книги писать, постоянно смотришь ужасы, может уже хватит?

Мы рассмеялись, как и раньше, мои тревоги рассеялись, передо мной стоял мой друг детства, добрый, в меру серьёзный и в меру весёлый.

- Ой, мне надо бежать, сначала в библиотеку, потом в столовую.

- Давай я в столовой нам стол займу и возьму всё, что ты любишь...

- Прости, Сева, Денис уже всё сделал, в следующий раз, хорошо?

- Опять Денис? Я тебе уже говорил, он тебе не пара...

- Перестань, я пошла, — больше я не хотела задерживаться, поэтому побежала не оглядываясь, Всеволод стоял, нахмутив брови, и его окутала чёрная дымка, но я этого уже не видела...

Глава 12

Все экзамены сданы, на улице прекрасная погода, бабушка наконец-то дома. Я самая счастливая, и это лето было последним, когда я так радовалась и смеялась. Выпускной перевернул всю мою жизнь, в очередной раз я не смогу управлять своей жизнью. Но сейчас я наслаждалась каждой минутой.

- Бабушка, хочу есть...

- Ты моя хорошая, я приготовила борщ и котлетки пожарила и маленький тортик испекла, мой руки и к столу.

- Как вкусно пахнет котлетами, уже бегу мыть.

Я ела с большим удовольствием, мне нравилось всё, что готовила бабушка, а она сидела у окна и пила чай. После больницы бабушка выглядела бодрой и лет на пять моложе. Я любовалась ей и в тот момент была благодарна, что из больницы именно она забрала меня.

Бабушка отставила чашку и посмотрела на меня с грустью, а может и с предупреждением:

— Скоро выпускной, как же быстро летит время, только была маленькой и вот уже и девятый класс заканчиваешь, надо платье выбрать и туфли.

Я кивнула, ковыряя котлетку вилкой. Мне не было грустно, впереди ещё два года учёбы в школе, но выпускной — это так волнительно.

— Да, бабуль... это так волнительно, скоро всё изменится. Может, сходим до торгового центра, я там видела платье персикового цвета и туфли под него.

- Конечно, ешь и пойдём, примеришь, если всё подойдёт, купим обязательно. А что ты нахмурилась вдруг?

- Не знаю, как быть, Денис зовёт на прогулку после торжественной части, а Всеволод... Ему совсем не нравится наше общение. Как я могу оставить своего лучшего друга в такой важный день и пойти гулять с Денисом?

Бабушка нахмурилась, пальцы забарабанили по столу, была у неё такая старая привычка.

— Всеволод этот твой... Сева! Берегись его, милая. Глаза у него — бездонные колодцы, а улыбка острая, как нож. Помнишь, как в детстве шептал тебе сказки на площадке? А теперь... Чёрная тень вокруг него мерещится? То не мерещится.

Я замерла, вилка повисла в воздухе. Чёрная дымка... Откуда она знает?

— Бабушка, ты о чём? Просто друг детства...

— Друг, говоришь? — Она вздохнула, потянулась за кусочком торта. — Выпускной — порог, Света. Переступишь — и жизнь завертит. Денис этот — парень надёжный, солнечный. Держись его. А Сева... Обещай, что будешь осторожна.

Слова её повисли в воздухе, тяжёлые, я улыбнулась через силу, но внутри шевельнулось беспокойство — холодное, липкое.

— Обещаю, бабуль. Но ты всегда хорошо относилась к Севе, а Дениса недолюбливала, почему же сейчас ты так говоришь, я не понимаю.

Она рассмеялась, и кухня снова наполнилась теплом.

- Не знаю, что на меня нашло, конечно, всё хорошо, Сева совсем стал взрослым и таким серьёзным, возможно, мне просто показалось всё.

- Но почему ты сказала про тень вокруг Всеволода? Это ты о чём?

- Не воспринимай мои слова всерьёз, старая уже, без очков плохо вижу, вот и ляпнула, всё, иди собирайся, а то так все платья раскупят.

Разговор немного омрачил моё настроение, но как только я стала примерять платье, которое мне так понравилось, я забыла обо всём. Туфли подошли идеально, я кружилась у зеркала и любовалась собой, щёки румяные, глаза сияют. Бабушка охала, причитала: «Какая ты выросла,

моя красавица!» Продавщица — молодая девушка с копной рыжих волос — помогла ей сесть на кушетку и, извинившись, отошла к прилавку.

В зеркале мелькнула тень. Я резко остановилась. Всеволод стоял, скрестив руки, и наблюдал за мной, взгляд тяжёлый, пронизывающий.

— Ты чего там торчишь? Напугал до чёртиков!

Сева приблизился грациозно, как тень. Бабушка вскочила и чуть не упала. Он подхватил её, пальцы впились в локоть сильнее, чем нужно.

— Бабуля, ну осторожнее... Всё в порядке?

— Ой, сынок... Испугалась. Голова закружилась вдруг.

— Меня испугались? — Его голос смягчился, но глаза остались холодными. — Я же не страшный, правда?

Я подошла, потянула его за рукав.

— Посади бабушку сначала. Что ты тут делаешь?

— Рубашку выбираю. Могла бы и позвать. Заходил к тебе домой, не застал вас.

— Чем бы помог? Платье я и сама могу выбрать.

— Выглядишь сногшибательно. — Он улыбнулся уголком рта. — На выпускной вместе пойдём?

Повисла пауза.

— А Ирина? Вы же неразлучны.

— Ревнуешь? — Шёпот его обжёг ухо.

— Глупости не говори. Мы друзья. Просто друзья. Пора идти.

Мне хотелось провести этот день с бабушкой, сходить поесть мороженого, погулять вдвоём. И только сейчас я поняла, что Всеволод всегда знает, где я, и следует за мной.

- А пойдёмте посидим на первом этаже в кафешке, поедим клубничного мороженого, — говоря всё это, он поднимает бабушку с кушетки и идёт к выходу.

- Сева, нет, у нас ещё есть дела, иди один.

- Какие дела? — Давайте сначала отдохнём, потом продолжите, — он уже почти вышел из магазина, бабушка при этом молчала и шла за ним.

- Я тебе же сказала, остановись, бабуля, пойдём, нам надо ещё сходить посмотреть мне колготки.

- Ой, внучка, устала что-то я, хорошая идея с мороженым, пошли, и Сева нам поможет с пакетами.

Мы вернулись домой вечером, уставшие, мне хотелось принять душ и написать Денису, спросить, как прошёл день. Сева проводил нас до дома и предложил завтра встретиться, сходить погулять, сил отказываться и спорить уже не было, поэтому я просто кивнула и ушла.

Денис не ответил на моё сообщение, и это было странно, он всегда мне отвечал, я решила позвонить.

- Алло, — послышался знакомый девичий голос.

- Ирина?

- Что тебе надо, Мамонтова? Денис не может тебе ответить, он пошёл в душ, — её смех резанул мне ухо. — Мы с Денисом вместе, не смей к нему приближаться, поняла?

- Ты уже определись, к кому мне не приближаться, к Севе или Денису? — Повисла пауза...

- Ты... Ты... Пожалеешь, Мамонтова, я обещаю, — раздалась гудки, я упала на кровать и разревелась, мою грудь больно сдавило, комок в горле не давал нормально дышать, счастье рассыпалось на мелкие осколки. Кругом всё окрасилось в серые тона, и выпускной мне уже был не нужен. Только Сева меня не предавал, только он всегда был за мной как тень, оберегал и защищал, и впредь я не буду в нём сомневаться. Денис... Игла пронзила моё сердце, как он мог так со мной поступить перед самым выпускным? Может, это было так и запланировано с самого начала? Он, самый красивый, умный и весёлый, не мог полюбить такую, как я.....

Глава 13

Утро выпускного было солнечным, на голубом небе ни облачка, за окном щебетали птицы, но я лежала, свернувшись клубком, под тонким покрывалом.

— Внучка, вставай! Пора собираться, а то опоздаем на выпускной! — Бабушка тихонько приоткрыла дверь, вошла — шаги лёгкие, несмотря на годы. Зашуршала по комнате: собирала вещи, расставляла книги на полку. А мне не хотелось вставать, собираться и куда-то идти.

— Я не пойду... — Од

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.